

INSTITUTE OF PHILOSOPHY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

PHILOSOPHICAL EMANATIONS OF LOVE

Compiled and edited by
Yulia V. Sineokaya

LRC Publishing House
Moscow
2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФСКИЕ ЭМАНАЦИИ ЛЮБВИ

Автор идеи, составитель
и ответственный редактор
Ю. В. Синеокая

Издательский Дом ЯСК
Москва
2018

УДК 1/14
ББК 87
Ф 56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект 18-111-00010, не подлежит продаже

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Р. Г. Апресян*
доктор философских наук, профессор *Г. В. Сорина*

Ф 56 Философские эманации любви / Сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая. —
М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 576 с., ил.

ISBN 978-5-6041006-3-9

Книга, которую Вы держите в руках, — рассказ о философских союзах, чье творчество освещено обоюдно любовью, о единстве философии и Эроса, о том, как из переплетения личных и творческих судеб выкристаллизовываются философские тексты. Это летопись страстей людей разных эпох, живших в разных странах, работавших в разных мыслительных парадигмах. Пронзительный трагизм всех без исключения жизненных судеб преодолевается сотворчеством, радостью общения с близким по духу человеком, обретением смысла жизни в страстном служении своему избраннику и своему призванию. В этом томе нет двух схожих очерков, нет двух похожих историй. Начинается книга с рассказов о любви и творчестве супружеских пар. Затем следуют эссе о любви невозможной: о влюбленных, обреченных на разлуку, о тех, кто, будучи близким и любящим, так не стал любимым. Следующий блок текстов — истории любви запретной, взрывающей общественный уклад, сопряженной с чередой трудных болезненных решений самих влюбленных. Завершают сборник истории любви духовной. Книга написана с привлечением редких архивных материалов, эпистолярного наследия, личных заметок, мемуаров и дневниковых записей философов, содержит фрагменты еще не публиковавшихся на русском языке академических трудов и писем зарубежных мыслителей. Издание предназначено как для специалистов — историков философии, так и для широкого круга читателей. Эта книга будет интересна тем, кому любопытны жизнеописания мыслителей прошлого и истории создания философских концепций: «биографии» идей и смыслов. В перипетиях судеб героев этой книги читатели не найдут ни утешения, ни назидания, но узнают, как из любви-страсти, любви-опоры, любви-упоения, любви-поддержки, любви-ослепления, любви-служения, любви-дружбы складывается философская традиция.

УДК 1/14
ББК 87

В оформлении обложки использована фотография А. Григорьева

ISBN 978-5-6041006-3-9

9 785604 100639 >

© Ю. В. Синеокая, сост. и отв. ред., 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

Содержание

Ю. В. Синеокая. Предисловие. «Все движется любовью...»	11
С. С. Неретина. Концепт любви: Петр и Элоиза	18
М. В. Михайлова. Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал: крах «идеального союза» или «яркий образ возможного счастья»?	62
О. Р. Демидова. «В поисках Града Божьего»: Мережковские и Философов о религиозном оправдании революции.....	99
Е. А. Тахо-Годи. Радость страдания (философия любви А. Ф. Лосева)	118
А. П. Козырев. Сергей Булгаков и Ю. Н. Рейтлингер: к истории духовного романа	148
Н. В. Мотрошилова. Ханна Арендт и Хайнрих Блюхер: любовь, основанная на взаимопонимании.....	171
Д. О. Аронсон. «Более любящий»: Уистен Оден и Ханна Арендт	188
П. С. Гуревич, Э. М. Спинова. Сладострастие и любомудрие (О сердечных тайнах Жан-Поля Сартра и Симоны де Бовуар)	198
А. А. Костикова. Даниэль, Матье, Эрве — три письма страсти Мишеля Фуко	217
Г. В. Бондаренко. Бенгальские ночи: Мирча Элиаде и Майтрейи Деви	230
А. А. Кара-Мурза. «Четвертое свидание»: Владимир Соловьев и Надежда Ауэр на берегах Неаполитанского залива (весна 1876 г.).....	239
К. В. Ворожихина. «Проклятый случай» философа: Лев Шестов и Варвара Малахиева-Мирович.....	267
И. А. Эбаноидзе. Хулахуп Кьеркегора, или Регина Ольсен как Горгона кьеркегоровской философии	279
Ю. В. Синеокая. Фридрих Ницше и Лу Саломе: «На гребнях волн бытия»	285
И. А. Эбаноидзе. Любовь как «бережение одиночеств» (Лу Саломе, Райнер Мария Рильке, Марина Цветаева)	314

<i>П. С. Гуревич, Э. М. Спинова.</i> Смерть — не последняя тайна жизни (О сердечных отношениях Сабини Шпильрейн и Карла Густава Юнга).....	322
<i>А. В. Черняев.</i> «Я переживаю в тебе реально образ всеединства!»: рецепция философии любви В. С Соловьева в «любобной дружбе» М. К. Морозовой и Е. Н. Трубецкого.....	348
<i>В. К. Кантор.</i> Мистический запрет: Федор Степун и Анна Оболенская (русские Абельяр и Элоиза).....	365
<i>В. И. Шаронов.</i> Карсавин — Скржинской: «Именно Вы связали мою метафизику с моей биографией и жизнью вообще...».....	384
<i>Т. Б. Длугач.</i> Вольтер и божественная Эмилия	434
<i>Т. Б. Длугач.</i> Дени Дидро и Софи Воллан.....	450
<i>А. В. Симонян.</i> Маргарита Порете и Гиар из Крессонсака.....	466
<i>Ю. Е. Федорова.</i> Раби'а ал-'Адавийа и Хасан ал-Басри: суфийские беседы о любви и истине	491
<i>Л. Г. Лахути.</i> Рассказы о любви в поэме Аттара «Илахи-наме» как способ говорить о «философских истинах».....	508
<i>И. Р. Насыров.</i> Арабские «Данте» и их «Беатриче» (ранняя арабская любовная поэзия в контексте мусульманской куртуазности).....	531
Summaries	557
Сведения об авторах	568
Contributors	571

Contents

<i>Yulia V. Sineokaya</i> . Foreword. Everything is moved by love... ..	11
<i>Svetlana S. Neretina</i> . The Concept of Love: Peter and Heloise.....	18
<i>Maria V. Mikhailova</i> . Vyacheslav Ivanov and Lydia Zinovieva-Anibal: collapse of “the ideal union” or “vivid image of happiness that could be?”	62
<i>Olga R. Demidova</i> . “In Search of the City of God”: the Merezhkovskys and Filosofov on religious justification of Revolution	99
<i>Elena A. Takho-Gody</i> . The joy of Suffering (Alexey Losev’s philosophy of love)	118
<i>Alexey P. Kozyrev</i> . Sergiy Bulgakov and Yulia Reitlinger: on the history of the spiritual love	148
<i>Nelly V. Motroschilova</i> . Hanna Arendt and Heinrich Blücher: Love Based on Mutual Understanding	171
<i>Daniil O. Aronson</i> . “The More Loving One”: Wystan Auden and Hannah Arendt	188
<i>Pavel S. Gurevich, Elvira M. Spirova</i> . Volumtuousness and Love of Wisdom (on the Heartfelt Secrets of Jean-Paul Sartre and Simone de Beauvoir).....	198
<i>Anna A. Kostikova</i> . Daniel, Mathieu, Hervé: Three Writings of Michel Foucault’ Passion	217
<i>Grigory V. Bondarenko</i> . Bengal Nights: Mircea Eliade and Maitreyi Devi.....	230
<i>Alexey A. Kara-Murza</i> . The Fourth Meeting: Vladimir Solovyov and Nadezhda Auer on the shores of the Bay of Naples (spring 1876)	239
<i>Ksenia V. Vorozhikhina</i> . The Philosopher’s “Accursed Incident”: Lev Shestov and Varvara Malakhiyeva-Mirovich	267
<i>Igor A. Ebanoidze</i> . Kierkegaard’s Hoola-Hoop, or Regina Olsen as the Gorgon of Kierkegaard’s philosophy.....	279
<i>Yulia V. Sineokaya</i> . Friedrich Nietzsche and Lou Salome: “On crests of waves of life”	285
<i>Igor A. Ebanoidze</i> . Love as “Cherished Solitudes” (Lou Salomé, Rainer Maria Rilke, Marina Tsvetaeva)	314

<i>Pavel S. Gurevich, Elvira M. Spirova.</i> Death is not the last mystery of life (The romance between Sabina Spielrein and Carl Gustav Jung).....	322
<i>Anatoly V. Chernyayev.</i> “In you I actually experience the image of wholeness!”: the reception of V. S. Solovyev’s philosophy of love in the “love friendship” relations between M. K. Morozova and E. N. Trubetskoy	348
<i>Vladimir K. Kantor.</i> The mystical ban. Fyodor Stepun and Anna Obolenskaya (the Russian Abelard and Heloise).....	365
<i>Vladimir I. Sharonov.</i> Karsavin to Skrzhinskaya: “You linked my metaphysics with my biography and life in general...”	384
<i>Tamara B. Dlugach.</i> Voltaire and divine Émilie.....	434
<i>Tamara B. Dlugach.</i> Denis Diderot and Sophie Volland	450
<i>Arina V. Simonyan.</i> Marguerite Porete and Guiard of Cressonessart	466
<i>Yulia E. Fedorova.</i> Rābiʿa al-ʿAdawiya and Ḥasan al-Baṣrī: Sufi Conversations about Love and Truth.....	491
<i>Leyli G. Lahuti.</i> Tales of love as a way of discussing philosophical truths (in Attar’s poem “Ilahi-nameh”).....	508
<i>Ilshat R. Nasyrov.</i> Arab “Dantes” and their “Beatrices” (Early Islamic Arabic poetry in the context of Muslim courtliness)	531
Summaries	557
Contributors	571

Ильшат Рашитович Насыров

Арабские «Данте» и их «Беатриче» (ранняя арабская любовная поэзия в контексте мусульманской куртуазности)

Аннотация. Арабская лирическая поэзия в раннем исламе (VII–VIII вв.) пережила подъем и обогатилась в жанровом и тематическом отношении. Сложились несколько направлений арабской любовной лирики — «узритское», воспевавшее целомудренную любовь, «омаритское» в Хиджазе (Западная Аравия) с его умеренным эпигуризмом и эротическое «куфийское» течение. В исследованиях арабской любовной лирики указанного периода практически не учитывается влияние мусульманской куртуазности на творчество арабских поэтов. Куртуазность (зарф) в исламе находила свое выражение в утонченном стиле поведения, возвышенном мироощущении, строгом этикете и особом своде правил отношения к женщине. Данное явление типологически было близко куртуазности и куртуазной лирике культуры средневекового Запада, к которым восходит творчество выдающегося итальянского поэта Данте Алигьери. Целью статьи является рассмотрение арабской любовной лирики VII–VIII вв. в контексте мусульманской куртуазности эпохи раннего ислама.

Ключевые слова: арабская любовная лирика, «узритская» газель, «омаритская» газель, мусульманская куртуазность (зарф), Данте Алигьери.

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей «куртуазной» темы в любовной лирике в первые века ислама на примере творчества таких арабских поэтов, как 'Абу Дахбаль, Джамиль ибн Ма'мар, Кайс ибн аль-Мулаввах и ал-'Аббас ибн аль-Ахнаф, которые жили и творили в VII–VIII вв. Утвердившееся в научной литературе деление арабской любовной лирики раннего ислама на бедуинскую («узритскую») лирику с воспеванием платонической любви и на «эпику-

рейскую» лирику городов Хиджаза (Западная Аравия) страдает известной долей схематичности и не позволяет дать им оценку в более широком контексте куртуазности (*зарф*) в культуре исламского общества той эпохи. Сравнение арабской лирической поэзии раннего ислама с куртуазной лирикой средневековой Западной Европы представляется вполне оправданным. Так же как и платоническую любовь великого итальянского поэта Данте Алигьери (1266–1321) к его музе Беатриче Портинари следует оценивать в контексте куртуазной лирики и куртуазности средневековой культуры Европы, так и любовную лирику арабских «Данте» раннего ислама необходимо рассматривать с учетом распространившейся в культурной среде того периода мусульманской куртуазности, или *зарф*. Этим словом было принято обозначать набор благородных качеств и особый свод правил поведения мужчин, в первую очередь по отношению к женщинам. Ближайшим его аналогом может служить куртуазность средневековой западноевропейской культуры, нашедшая свое наиболее полное выражение в куртуазной любви с ее культом Прекрасной Дамы.

Прежде чем перейти к конкретному анализу «куртуазной» составляющей двух разных поэтических традиций, следует сказать о философском контексте этих литературных направлений и связи поэзии и философии. Еще в период Проторенессанса в Италии формируется литературное направление «дольче стиль нуово» (итал. *Dolce stil nuovo*), или «сладостный новый стиль», в рамках которого разрешалась главная проблема средневековой западноевропейской лирики — взаимоотношения «земной» и «небесной» любви. Если религиозная лирика, воспевающая любовь к Мадонне, призывала к отречению от плотского греха, а рыцарская поэзия, восхваляя служение Прекрасной Даме, возносила гимн земной любви, то сторонники направления «дольче стиль нуово» превратили образ возлюбленной в символ — в доступное чувственному восприятию воплощение и откровение Бога. С этой точки зрения поклонение любимой женщине оказывалось поклонением самому Творцу. Так достигалось примирение «земной» и «небесной» любви — оба вида любви сплетаются в нерасторжимом единстве. В творчестве Данте, Петрарки и Боккаччо ярко проявилась своеобразная поэтическая философия любви.

Выражение «поэтическая философия любви» не является оксюмороном. Между поэзией и философией существует тесная связь не только потому, что первая мыслит образами в стремлении выразить любовь к прекрасному, а вторая — понятиями в целях раскрытия истины. Ханс-Георг Гадамер пишет, что лишь довольно поздно, начиная с XVIII в., понятию прекрасного стали отводить сугубо эстетическую функцию, но что оно «было когда-то универсальным метафизическим понятием... Так, у Платона мы находим тесное сплетение, а нередко и взаимозаменяемость идеи блага и прекрасного»¹. Действительно, для Платона такое определение прекрасного является онтологическим. В основе тесной связи идеи прекрасного с идеей телеологического порядка бытия в его учении находится понятие меры, вос-

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 551.

ходящее к Пифагору². Согласно Платону, прекрасное является не просто выражением соразмерности и гармонии в разных проявлениях в мире, но выступает обозначением божественного прекрасного «во всем его единообразном»³. Преодоление человеком долгого пути любви для созерцания вечного прекрасного помогает ему стать добродетельным существом, добиться любви богов и обрести бессмертие⁴.

Фундаментальным следствием из утверждения Платона о единстве блага и прекрасного является онтологизация прекрасного и любви к нему. Любовь понимается как универсальная сила, обеспечивающая порядок в мироздании («любовью называется жажда к целостности и стремление к ней»)⁵, и условие всего прекрасного («дела богов пришли в порядок благодаря любви к прекрасному»)⁶. При этом земная любовь человека (отношение к другой личности) не умаляется, а превращается в необходимую ступень для восхождения к высшей любви, благодаря которой он приобщается «к Благу, Космосу, вечности»⁷. Любовь человека как поиск своей половины (соитие мужчины и женщины) дополняет любовь к вечному обладанию благом и созерцанию прекрасного⁸. Слова Диотимы в платоновском диалоге «Пир» о том, что божество любви Эрот тянется к прекрасному, жаждет разумности и занят философией⁹, указывают на изначальную связь поэзии и философии в западной культуре — согласно великому древнегреческому философу, поэзия является творчеством, а творчество есть все, что вызывает переход из небытия в бытие¹⁰.

Через много веков М. Хайдеггер скажет в том же духе: «Поэзия есть глагол несокрытости сущего»¹¹. Ханс-Георг Гадамер продолжит эту мысль словами: «Он (Платон. — *И. Н.*) первый показал, что существенным моментом прекрасного является ἀλήθεια (истина, несокрытость), — и совершенно ясно, что он при этом имеет в виду: прекрасное, способ проявления благаго, само делает себя явным, раскрывает себя в бытии, само себя предъ-являет, пред-ставляет (*darstellt*)»¹². Таким образом, поэтическое высказывание являет себя как особый случай реализовавшегося в высказывании смысла, или что в сказанном предстает то, что дано в созерцании, — «так же как идея прекрасного присутствует в том, что прекрасно»¹³.

² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 553.

³ Платон. Пир // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 122.

⁴ Платон. Указ. соч. С. 122.

⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 553.

⁶ Платон. Указ. соч. С. 110.

⁷ Апресян Р. Г. Любовь // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 464–466.

⁸ Платон. Указ. соч. С. 115–116.

⁹ Там же. С. 113.

¹⁰ Там же. С. 115.

¹¹ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 104.

¹² Гадамер Х.-Г. Истина и метод. С. 562.

¹³ Там же. С. 565.

В исламской мысли определение прекрасного также является универсально онтологическим. В мусульманском предании сообщается, что пророк Мухаммад сказал: «Поистине, Аллах прекрасный, Он любит красоту»¹⁴. Отталкиваясь от этого высказывания, исламские мистики-суфии учили, что мир, сотворенный прекрасным творцом, также прекрасен. Но наиболее последовательным в онтологизации прекрасного и любви был выдающийся мусульманский философ и мистик Ибн 'Араби (1165–1240), создатель учения о «единстве бытия» (*вахдат аль-вуджуд*). Он развивал философию все-тождественности, цель которой, как он полагал, заключается в видении единого (Бог) как множественного (мир), а множественного — как единого. В его понимании Бог есть не только Первоначало, но и абсолютное Благо и Красота. Мир, будучи проявлением божественной красоты, прекрасен, ибо прекрасный Бог присутствует во всем прекрасном. Единая живая красота являет себя в бесчисленных формах мира и с особенной яркостью проявляется в женщине. Ибн 'Араби пишет: «Созерцание Бога в женщине есть наиболее великое и полное созерцание»¹⁵. Его идея женской красоты как проявления высшего, божественного прекрасного превратилась в источник вдохновения для многих выдающихся представителей персидской мистической (суфийской) поэзии, как, например, Руми, Аттар, Хафиз Ширази и Омар Хайям.

Таким образом, как поэтическая философия любви поэтов Проторенессанса, в том числе и Данте, так и средневековая мусульманская любовная лирика могут служить примером связи поэзии и философии.

После смерти Мухаммада (ум. 632) его преемники на посту главы мусульманской общины, так называемые праведные халифы ('Абу Бакр, 'Умар ибн аль-Хаттаб, 'Усман ибн 'Аффан и 'Али ибн 'Аби Талиб), положили начало завоевательной политике, достигшей пика в период правления Омейядов, представителей первой династии мусульманских правителей (661–750). Складывается огромный Арабский халифат, возникший из созданной Мухаммадом в Хиджазе мусульманской общины. В Омейядском халифате, то есть на первом этапе в истории Арабского халифата, складываются основы материальной и духовной культуры исламского мира. Приход арабских завоевателей в старые культурные центры Византии и Персии и их смешение с завоеванными народами способствовали культурному и политическому развитию арабов.

Одна из особенностей культурной жизни раннего ислама состояла в том, что ислам, установив жесткий этический контроль над традиционной арабской поэзией в ту эпоху, одновременно дал толчок к ее бурному развитию в жанровом и тематическом отношении, особенно в Хиджазе, в западной части Аравийского полуострова. Отношения между новой религией (ислам) и арабской поэзией скла-

¹⁴ Сообщение (*хадис*) от Ибн Мас'уда: «Пророк Мухаммад сказал: “Поистине, Аллах — прекрасный, Он любит красоту”» (см. *Муслим. Сахих Муслим* (91). Бейрут: Дар ихйа' ат-турас аль-'араби. Б. г. Т. 1. С. 93).

¹⁵ *Ибн Араби. Фусус аль-хикам*. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-'араби. 1980. С. 217.

дывались неоднозначно. Арабы-язычники верили, что поэтам ведомо прошлое и будущее. Мухаммад занял негативную позицию по отношению к поэзии, рассматривая ее как главную моральную опору языческих идеалов, разрушить которые ислам был призван¹⁶. Коран указывает на два источника поэтического вдохновения: для поэтов, которые не приняли новую религию, — это шайтаны (сатаны)¹⁷, а для поэтов, которые, как и остальные мусульмане, «уверовали и творили добрые дела», — это «дух верный» (*рух амин*)¹⁸. Утратив роль провидцев, выражающих самосознание и моральные ценности племенного сообщества, арабские поэты раннего ислама обычно шли служить халифам и представителям знати в качестве панегиристов¹⁹.

Развитию арабской поэзии способствовало и обмирщение жизни ранней исламской общины вследствие политики, проводимой халифами первой (омейядской) династии правителей Халифата (661–750). Омейядские халифы отказались от теократии в пользу абсолютной монархии. Их власть была властью арабов над завоеванными народами, новообращенные рассматривались как мусульмане второго сорта. Омейяды могли удержаться у власти исключительно благодаря мощи армии, состоящей из племенных ополчений арабов-бедуинов, а потому их государство держалось на этноконфессиональной солидарности (опора на архаичные арабские родо-племенные связи и структуры, авторитет племенных вождей и т. д.)²⁰. Этим объясняется поощрение омейядскими халифами арабской культуры и в некотором отношении противопоставление ее культуре покоренных народов. Омейядские халифы больше брали у Византии и Персии элементы имперского стиля правления: они провели реорганизацию административно-фискальной системы, осуществили денежную реформу (введение новой монетной системы взамен прежней, византийской) и т. д.

В итоге в эпоху Омейядов произошел частичный возврат к доисламским порядкам (культ гедонизма, моральный релятивизм и т. д.). Этому способствовал и образ жизни Омейядов. Все они (за исключением халифа ‘Умара ибн ‘Абд аль-‘Азиза) в мусульманской традиции осуждаются за аморальный образ жизни и открытое пренебрежение идеалами ранней исламской общины. Омейядский халиф аль-Валид II ибн Йазид (убит в 744) публично поощрял своих родствен-

¹⁶ Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период. М.: Изд-во восточной литературы. 1960. С. 33.

¹⁷ «Не сообщить ли Мне вам, на кого нисходят сатаны? Нисходят они на всякого лжеца, грешника. Они извергают подслушанное, но большинство их лжецы. И поэты — за ними следуют заблудшие» (Коран, 26:221–224, пер. И. Ю. Крачковского).

¹⁸ «И поистине, это — послание Господа миров. Снизшел с ним дух верный» (Коран, 26:192–193, пер. И. Ю. Крачковского).

¹⁹ Родионов М. Ал-Мутанабби: поэт в исламском обществе в X в. // Ислам. Религия, общество, государство. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. С. 149.

²⁰ Большаков О. Г. История Халифата. Т. III. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 110–111, 222.

ников-омейядов к распутству: «О сыны ‘Умаййа (Омейяды)! Вам следует предаваться [застольному] пению (*гина*), ибо оно уменьшает стыд, усиливает страсти, ведет к потере мужской чести (*мурувва*), влечет к спиртному и вынуждает делать то, к чему подвигает [человека] пьяное состояние. Если вам придется прибежать к нему (пению. — *И. Н.*), то присоединяйте женщин, ибо пение — чары прелюбодеяния. Я говорю это, так как оно (пение. — *И. Н.*) мне более любо, чем все прочие наслаждения, более любо, чем холодная вода для сильно жаждущего человека»²¹. В ряду омейядских халифов, в большинстве своем не отличавшихся добродетельным образом жизни, он выделялся крайне развратным поведением²², граничащим с безумием и попранием старинных арабских традиций гостеприимства. Он вел себя как римский император Калигула. Однажды аль-Валид приказал отрубить голову одному из своих сотрапезников только за то, что тот покинул застолье, когда он, будучи сильно пьяным, уснул²³. Но еще большее возмущение среди мусульман вызывали его симпатии к манихейству, за что его называли *зиндиком* (неверующий)²⁴. Своим распутным поведением аль-Валид так «прославился», что его противники, штурмовавшие последнее прибежище халифа в Каср ан-Ну‘ман ибн Башир, кричали: «Убейте содомита, как убивали людей племени Лута (Лота)!»²⁵ — и метали в него камни. Аль-Валид отличался поэтическим дарованием, он любил сочинять стихи, и это придает ему еще большее сходство с Калигулой, любившим петь и плясать на сцене. Как-то раз аль-Валиду, кутившему со своей компанией ночи напролет, напомнили, что наступила пятница. Тогда он в пьяном виде забрался на трибуну (*минбар*) в мечети и принялся читать пятничную проповедь в весьма изящной стихотворной форме²⁶.

В результате проведения омейядскими халифами подобной культурной политики за короткий срок (одно столетие) арабская поэзия успела пройти путь от поэзии языческой эпохи, или эпохи «неведения» (*джахилийя*), в которой еще не было любовной лирики как самостоятельного жанра, до поэзии с разнообразными направлениями — от придворной панегирической хвалебной поэзии и сатиры до любовной лирики (*газал*) — в жанре *газал ‘афиф* («узритская» газель) с воспеванием платонической любви, в жанре «омаритской» газели с ее умеренным эпику-

²¹ *Аль-Исфахани, ‘Абу аль-Фарадж. Ахбар аль-Валид ибн Йазид ва насабу-ху // Китаб аль-агани. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘илмийа. 1992. Т. 7. С. 82.*

²² *Ат-Табари. Та’рих ат-Табари. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-‘илмийа. Б. г. Т. 4. С. 222, 235.*

²³ *Аль-Исфахани, ‘Абу аль-Фарадж. Ахбар аль-Валид ибн Йазид ва насабу-ху // Китаб аль-агани. Т. 7. С. 68, 78.*

²⁴ Там же. С. 78, 84.

²⁵ Там же. С. 92. См. также: «Один из них бросил клич: “Убейте врага Аллаха, как убивали людей племени Лута (Лота)!”» (*ат-Табари. Та’рих ат-Табари. Т. 4. С. 243; в том же варианте: аль-Балазури. Ансаб ал-ашраф. Б. г., б. м. Т. 3. С. 206.*)

²⁶ *Аль-Исфахани, ‘Абу аль-Фарадж. Ахбар аль-Валид ибн Йазид ва насабу-ху // Китаб аль-агани. Т. 7. С. 69.*

реизмом и в жанре *газал сарих*, чувственно-эротической «куфийской» поэзии с непристойностями и смакованием сцен половой любви, нередко гомосексуальной²⁷.

Эволюция в тематическом и жанровом отношении в арабской поэзии в указанное время была очень значительной. При оценке подобных явлений в литературе следует признать справедливым мнение М. Л. Гаспарова, который пишет: «Динамика литературы и искусства определяется в конечном счете тенденциями к интеграции и дифференциации общества, к его сплочению и его расслоению»²⁸. Для арабского поэта в языческую эпоху типичным образцом законченного стихотворения была *касида*, или ода, в рамках которой он освещал традиционные темы — восхваление своего племени (*фахр*) и своей доблести (*хамаса*), поношение чужих родов и племен (*хиджа*), описание красот природы (*васф*) и т. д. Как правило, описанию поэтом своих чувств к возлюбленной отводилось небольшое место в начале *касиды*, фактически оно выступало лишь любовным зачином (*насиб*) для оды, главной темой которой были раскрытие сцен из жизни своего племени посредством восхваления собственных подвигов или доблестей соплеменников, приведения назидательных стихов (*хикам*) и т. д. Внутреннему миру человека и сфере его интимных чувств отводилось мало места в языческой поэзии. Это служит свидетельством неразвитости личности в этом обществе. Арабский поэт той эпохи, как и остальные члены его племени, был лишен индивидуальности.

Ислам вычленил человека из племени, признав его субъектом, лично несущим ответственность за свои поступки. Коран утверждает индивидуализацию человека: человек сам несет ответственность за свои деяния и не подсуден по принципу круговой поруки, что было характерно для языческой Аравии. Таким образом, развитие любовной лирики в раннем исламе в самостоятельное стихотворение из любовного зачина старой *касиды* является отражением роста индивидуального сознания в раннемусульманском обществе и признания женщины как личности со сложным и богатым внутренним миром.

Эти факты из жизни общества раннего ислама разрушают привычные стереотипы, что якобы в тот период от имени шариата подавлялись малейшие попытки мусульманина публично выразить любовные чувства к женщине, с которой он не состоял в законном браке. Данное обстоятельство позволяет рассмотреть творчество арабских «рыцарей любви» в широком историческом и культурном контексте и сравнить их любовную лирику с куртуазной поэзией позднего средневековья в Западной Европе. Арабская любовная лирика существенно обогатилась в новых исторических условиях, в период становления мусульманской культуры, которая

²⁷ *Аль-Исфахани*, 'Абу аль-Фарадж. Китаб адаб аль-гураба'. Бейрут: Дар аль-киتاب аль-джадид. 1972. С. 80–82; *аль-Мадждуб*, *аль-Башир*. Аз-Зарф би-л-Ирак фи-л-'аср аль-'аббаси. Тунис: Му'ассасат 'Абд аль-Карим ибн 'Абдаллах ли-н-нашр ва-т-тавзи'. 1992. С. 93–96; *аш-Шабуити*. Ад-Дайарат. Б. г, б. м. С. 83.

²⁸ *Гаспаров М. Л.* Поэт и поэзия в римской культуре // Избранные труды. Т. I: О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 49.

сформировалась как составная часть западной цивилизации и стала новым центром взаимодействия и взаимообогащения различных культурных традиций — арабов, эллинизированного населения бывших византийских провинций (Египет, Сирия и Левант) и иранцев. Следует отметить, что еще до возникновения ислама Северная Африка, Ближний и Средний Восток, Иран и Средняя Азия уже находились в тесном экономическом, культурном и политическом единстве благодаря последовательно сменявшим друг друга древним государствам — Египту, Ассирии, Македонской империи и государству Селевкидов. В эллинистическую эпоху, начало которой положили завоевания Александра Македонского в IV в. до н. э., происходит взаимопроникновение греческого и восточных — в первую очередь персидской — культур.

Все вышеперечисленные факторы в развитии общества раннего ислама положительно повлияли на арабскую поэзию, а именно, в виде возросшего интереса поэтов к тем ее жанрам, которые ислам сурово осуждал — воспевание вина и застолий (*хамрийат*), сатира (*хиджа*'), пусть уже не на чужое племя, а на политические группировки, восхваление доблестей, правда, уже не своих и своего племени, а патрона и мецената, и т. д. Наиболее выдающимися панегиристами были аль-Ахталь, аль-Фараздак и Джарир, а в жанре поэзии вина прославился 'Абу Нувас. Арабская любовная поэзия переживала расцвет. Если в доисламской поэзии еще не было любовной лирики как самостоятельного жанра и любовной тематике отводилось место лишь в первой части старой *касиды* (ода), то в поэзии раннего ислама получает расцвет любовная лирика в рамках отдельного жанра, газели (*газал*).

«Рабы любви»

Одна из особенностей в культурной жизни того периода — появление целой плеяды арабских поэтов, создавших настоящий культ всепоглощающей, порой переходящей в безумие, любви к женщине с воспеванием ее красоты и описанием страданий влюбленного в нее поэта. Эти поэты, «рабы любви», сочиняли свои стихи в жанре «узритской» газели, одном из направлений любовной лирики в арабской поэзии, главная тема которого — целомудренная безответная любовь к женщине. Их без преувеличения можно назвать арабскими «Данте», так как для каждого из них, как и для поэта Данте Алигьери, любимая женщина стала музой, источником поэтического вдохновения. Их также сближает с Данте манера выражения любви к женщине, соответствующая концепции куртуазной любви, а именно — безответная форма восхищения и жертвенность.

В приводимых в средневековых сочинениях 'Абу аль-Фараджа аль-Исфахани и Ибн Кутайбы биографиях этих поэтов правда часто тесно переплетается с вымыслом, поэтому их «жизнеописания» носят полупоэтический характер. В них они предстают как истинные «рыцари любви», преданные любимым женщинам. Для некоторых из них неразделенная любовь стала причиной трагической и преждевременной смерти. Все они сохраняли чувство любви к своим возлюбленным

до конца своих дней, а багдадский поэт аль-‘Аббас ибн аль-Ахнаф, происходивший из арабского племени ханифа, посвятил почти все свои стихи одной женщине по имени Фауза, любовь к которой он пронес через всю свою жизнь. В их произведениях любовь предстает роковым влечением и источником невыносимой боли, сводящим влюбленного с ума и обрекающим на пожизненные страдания. Любовь неизбежна, как смерть и рок. Примечательно, что для выражения своей надежды добиться от женщины взаимной любви поэт ‘Абу Дахбаль использует слово *мана*’, которое обозначает как надежду, так и смерть и судьбу. Этим приемом он отсылал своих слушателей к еще неизжитому из их религиозного сознания представлению арабов-язычников о Судьбе/смерти как всемогущей силе и одновременно олицетворении бессмысленности смерти, мерно и равнодушно перемалывающей все живое, конечное и с которой человек может столкнуться в любой момент своего краткого бытия.

*Ночь провел я без сна, в печали и грусти
Будто ребра мои стали углями, что жсигали и мучили меня.
То льщу себя надеждой на благосклонность ‘Умры,
То зальюсь слезами от грусти и тоски*²⁹.

Ярким примером культа безответной любви в творчестве арабских поэтов раннего ислама может служить история любви ‘Абу Дахбаля к своей мусульманской «Беатриче», ‘Атике, дочери первого омейядского халифа Му‘авии (661–680)³⁰. Воспылав к ней искренней и целомудренной любовью, он последовал за ней из Мекки в Дамаск, где серьезно заболел от любовных страданий, подверг себя смертельной опасности быть убитым по наущению людей из окружения халифа и лишь чудесным образом сумел убедить разгневанного могущественного отца девушки в целомудренном характере своей любви к ней и избежать верной гибели. Началась эта печальная для поэта история в Мекке, во время сезона мусульманского паломничества (хадж). Здесь он случайно увидел ‘Атику, дочь халифа Му‘авии. Та прибыла из Дамаска, столицы Халифата, в составе паломников и остановилась в предместьях Мекки. Стояла сильная жара. Она велела служанкам откинуть балдахин и невольно предстала взору проходившего мимо поэта. Очарованный ‘Абу Дахбаль погрузился в созерцание красоты молодой халифской дочери. Когда она заметила его, то велела задернуть завесу и отругала его. Поэт же экспромтом сочинил стихотворение, в котором выражал свое восхищение красотой ‘Атики, и прочитал его некоторым своим друзьям. Почти сразу его стихи разнеслись по Мекке. В этих стихах поэт, прибегая к традиционным метафорам арабской любовной лирики,

²⁹ *Аль-Исфахани, ‘Абу аль-Фарадж. Ахбар ‘Аби Дахбал ва насабу-ху // Китаб аль-агани. Т. 7. С. 152.*

³⁰ Му‘авийа ибн Абу Суфйан (606–680) — основатель и первый халиф династии Омейядов с 661 г. Проводил активную завоевательную политику. По его инициативе столица Халифата была перенесена в Дамаск.

сравнивает ее с прекрасной газелью, подчеркивает ее целомудрие и скромность, воздает хвалу Богу за милость случайно увидеть ее прекрасный лик и жалуется, что любовь к ней обернулась для него сердечными недугами и страданиями — ведь ее отец ни за что не отдаст дочь поэту.

*Рок влек меня с неизбежностью, чтобы я увидел газель у дверей.
Красавица отругала меня, отвернулась, скрылась от меня за завесой.
Пречист Господь, сподобивший меня узреть ее, открытой взору.
Она вселила надолго в мое сердце болезни и недуги.
Если попрошу ее руки, прогонит меня ее отец, скуп он.
Ревниво оберегает ее за высокими стенами крепости
С прочными воротами и за завесами³¹.*

Когда 'Атике рассказали эти стихи, она рассмеялась и послала ему в качестве скромного подарка одежду, что было воспринято им как знак ее благосклонности к нему. Когда 'Атика выехала из Мекки, он последовал за ней. Она взяла с него слово не порочить ее репутацию и честь.

По прибытии в Дамаск 'Атика воспретила ему являться к ней и видеть ее. Поэт заболел от сердечных невзгод и сочинил новые стихи. В них он изливает свою тоску от безответной любви, сравнивает 'Атику с цветком, с жемчужиной и со скрытой драгоценностью, представляет ее идущей по гладкому мрамору под зеленым куполом, жалуется, что ему не идет сон. Вскоре до халифа Му'авии дошли стихи влюбленного в его дочь поэта. Встревоженный правитель после пятничной молитвы в соборной мечети попросил 'Абу Дахбала задержаться и с возмущением потребовал от того объяснений по поводу стихотворных описаний прелестей его дочери. Поэт воскликнул: «О повелитель правоверных, клянусь Богом, я не говорил подобное, это было высказано моим языком!», апеллируя к еще не изжитому из сознания арабов языческому представлению, что поэт является существом, через которого и помимо его воли до людей доводятся некие откровения свыше. Этот довод подействовал. Халиф заявил, что поэту не стоит его опасаться, так как он уверен в целомудрии своей дочери и с пониманием относится к тому, что поэты в своих стихах высказываются о том, о чем дозволено и не дозволено публично высказываться, но что он (халиф) не хочет, чтобы поэт случайно оказался рядом с его сыном Йазидом, так как последний может убить Абу Дахбала, защищая честь своей сестры. Поэт намек понял и покинул Дамаск. Находясь в Мекке, он продолжал отправлять 'Атике свои стихи. Бдительные слуги принесли халифу одно из стихотворений 'Абу Дахбала к 'Атике. Они утверждали, что 'Атика проливает слезы, читая эти стихи. Му'авийа срочно вызвал сына Йазидида, прочитал ему вслух эти стихи и спросил, что делать с потерявшим всякую меру от любви поэтом. Йазидид горяча предложил убить 'Абу Дахбала с помощью своих людей в Мекке. Халиф сразу отверг этот совет, напомнив

³¹ Аль-Исфахани, 'Абу аль-Фарадж. Ахбар 'Аби Дахбал ва насабу-ху // Китаб аль-агани. Т. 7. С. 137.

сыну, что, во-первых, поэт происходит из одного с пророком Мухаммадом племени курайш и что, во-вторых, убийство будет неправильно истолковано людьми — как подтверждение слухов. Йазид привел отцу еще одно получившее популярность в обществе стихотворение влюбленного поэта, где в последних бейтах (двустихиях) тот признается, что отношения между ним и 'Атикой чисто платонические. Халиф с облегчением сказал, что теперь они могут не беспокоиться за 'Атику и Йазиду следует оставить поэта в покое.

Другим «рабом любви» был известный поэт Джамиль ибн Ма'мар, обеспечивший себе место в пантеоне арабской поэзии своими стихами, посвященными Бусайне, его «Беатриче», музе и любви всей его жизни и причине его смерти на чужбине. Он писал свои стихи в жанре целомудренной газели (*газал 'афиф*). Его стихи стали настолько известными и популярными в кругах ценителей арабской поэзии, что жанр *газал 'афиф* получил второе название — *газал 'узри* (узритская газель), поскольку поэт происходил из арабского племени 'Узра, издревле кочевавшего в местности Вади аль-Кура севернее Медины (Западная Аравия). Джамиль с юности был влюблен в Бусайну, дочь своего дяди. Когда поэт попросил ее руки, дядя отказал племяннику, сославшись на обычай бедуинов, запрещающий выдавать девушку замуж за поэта, признававшегося в стихах в любви к ней. Бусайна была выдана замуж за другого человека. Джамиль продолжал писать стихи с признанием любви к ней. Ее супруг пожаловался вождю племени, и тот объявил законным пролитие крови Джамии. Поэт бежал в Египет, где и умер, терзаемый муками безответной любви.

В его стихах наиболее выразительно выражен основной мотив поэзии, посвященной воспеванию целомудренной любви разлученных жестокой судьбой влюбленных. Любовь выступает как некий рок, как нечто ведóмое непостижимой разуму волей Бога и обрекающее влюбленного на страдания до самого его последнего вздоха.

О, если бы вернулась молодость, и если бы мне вновь встретиться с Бусайной!

Вернусь ли я еще в долину Вади аль-Кура хотя бы на одну ночь, чтобы еще раз встретиться с ней наедине?

С юности я охвачен к Бусайне страстью, и с каждым днем любовь моя к ней лишь усиливается.

Погубил я свою жизнь в ожидании соединения с ней, провел в страданиях свой век.

Если я скажу ей: «Избавь меня от любви!», она ответит: «Она прочна как сталь и лишь крепнет».

Если я попрошу ее: «Оставь мне хотя бы немного разума, чтобы как-то жить среди людей», она скажет: «Это невозможно для тебя».

Отвержен я в своем желании, все гибнет, но только не любовь моя к ней.³²

³² Джамиль ибн Ма'мар. Мин аль-газал аль-'афиф // аль-Адаб ва ан-нусус. Эр-Рияд: Джами'ат аль-малик са'уд, 'Амадат шу'ун аль-мактабат. 1989. С. 118–119.

Его славу «раба любви» заслуженно разделили Кайс ибн аль-Муваллах, Кайс ибн Зари' и другие арабские поэты. Каждый из них, согласно сочинениям средневековых авторов, сохранил верность своей возлюбленной, ставшей для него не только предметом любви, но и олицетворением поэтического идеала. Легендарная любовь Кайса ибн аль-Муваллаха по прозвищу *Меджнун* («Обезумевший [от любви к Лейле]») стала излюбленным сюжетом для любовной поэзии мусульманского Востока. Родственники Лейлы отказались выдать ее замуж за влюбленного в нее Кайса, сочтя себя оскорбленными его стихами, посвященными девушке. Ей пришлось выйти за другого человека. Это событие обернулось трагедией для поэта и его родни. Кайс удалился в пустыню, где проводил все свое время за декламацией стихов, посвященных исключительно Лейле, и в общении с газелями, которые напоминали ему его возлюбленную. Роковая страсть неотвратимо привела к трагической развязке. Однажды он был найден в каменистой долине мертвым.

Многие исследователи в области арабской литературы полагают, что любовная лирика, посвященная платонической любви, в раннем исламе сложилась как реакция на социокультурные изменения в исламском обществе VII–VIII вв. (Таха Хусейн), на гедонизм и распушенность в столице Омейядского халифата и городах Хиджаза³³. Лирика поэтов-узритов соответствовала духу строгого монотеизма ислама с его призывом поклоняться исключительно одному Богу (Т. Л. Джедади), а потому рассматривается как ответ благочестивых мусульман на либертинизм и падение нравов в ту эпоху (А. Х. Кинани)³⁴. Поэту Лабиду ибн Раби'а, творчество которого пришлось на конец языческой эпохи и начало первого века ислама, принадлежат слова:

*Разве все, что помимо Бога, — не ложно?*³⁵

Модель религиозного поклонения исключительно Богу, абсолютно трансцендентному существу («Нет ничего, подобного ему»)³⁶, была перенесена поэтами-узритами в интимную область любовных чувств. Поскольку единый Бог, единственно достойный поклонения, лишен какой-либо схожести с явлениями феноменального мира, возлюбленная поэта-узрита, объект его поклонения, представляла ему как некий идеал, близкий к божественному миру и далекий от земного мира. Для влюбленного поэта как будто не существовали ее телесные прелести, она превращалась в олицетворение вневременной силы божественного идеального порядка. Поэт освобождался от отягощенности чувственными вожделениями, и его любовь приобретала ярко

³³ *Jacobi R. 'Udhri / The Encyclopaedia of Islam. Vol. X. New ed. Leiden-Brill. 2000. P. 775. См. также: Хасан Хамис аль-Малиджи. Аль-Адаб ва ан-нусус. С. 93; Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период. С. 44.*

³⁴ *Jacobi R. 'Udhri / The Encyclopaedia of Islam. Vol. X. P. 775.*

³⁵ *Аль-Исфяхани, 'Абу ал-Фарадж. Насаб Лабид ва ахбар-ху // Китаб аль-агани. Т. 15. С. 363–364.*

³⁶ Коран, 42:11, пер. И. Ю. Крачковского.

выраженный духовный характер, выступая как влечение к божественному началу. Неудивительно, что мистическая (суфийская) поэзия в исламе с его излюбленной темой всепоглощающей любви мистика к Возлюбленной (Бог) выросла из узритской любовной лирики.

В таком же жанре любовной лирики сочинял свои стихи-газели багдадский поэт уже аббасидской эпохи аль-‘Аббас ибн аль-Ахнаф (ум. 809). Он получил известность своей любовью к Фаузе, которая стала его музой. Почти все свои стихи он посвятил воспеванию своей любви к ней.

О самая прекрасная женщина миров, ответь на мольбу охваченного любовной страстью чужака в Ираке.

Пишу письмо, но не могу вывести буквы из-за сильных рыданий.

Пишу и стираю написанное слезами, что льются потоком на бумагу.

О Фауза, если ты увидишь меня, то не узнаешь — из-за крайней изможденности моей и желтизны лица.

К ветру, если подует с твоей стороны, стану лицом, может быть донесет он от тебя приветствие.

Попрошу его донести до тебя мое пожелание мира; если однажды он исполнит мою просьбу, ответь мне!³⁷

В то же время представители другого, жизнерадостного эпикурейского («омаритского») направления ранней арабской поэзии не чурались писать стихи в жанре узритской газели. Ярким примером может служить поэтическое творчество вышеупомянутого омейядского халифа аль-Валида II ибн Йазида, известного своей жестокостью и распутством. Он сочинял стихи в жанре узритской газели о целомудренной любви. Он их посвятил женщине по имени Сальма/Сулейма, сестре своей жены Са‘ды бинт Са‘ид и праправнучке халифа ‘Усмана ибн ‘Аффана.

Сколь много испытал я горечи,

И пребывал в печали.

Если бы любовь оставила меня,

То стал бы поститься и молиться.

Когда я пожелаю, то смиряюсь,

И не могу проявить терпение, если пожелаю³⁸.

Аль-Ахвас аль-Ансари (ум. 723), арабский поэт эпохи Омейядов, какое-то время бывший фаворитом халифа аль-Валида I ибн ‘Абд аль-Малика, был известен склонностью к либертинизму, ведению жизни в утехах и наслаждениях. Он сочинял стихи в жанре *хиджа*’ (поношение и сатира). Но аль-Ахвас также писал узритские газели, воспевая платоническую любовь:

³⁷ Аль-‘Аббас ибн аль-Ахнаф. Мин ал-газал ал-‘афиф // аль-Адаб ва ан-нусус. С. 157.

³⁸ Аль-Исфাহани, ‘Абу аль-Фарадж. Ахбар аль-Валид ибн Йазид ва насабу-ху // Китаб аль-агани. Т. 7. С. 41.

*Не избавил никто от болезни любви,
Ничто так не истощает тело, как любовь.
Любви свидетельства всегда явны у влюбленного,
Хотя бы и пытался он их скрывать.*

Более того, сам Умар ибн Аби Раби'а (665–712)³⁹, эпоним «омаритской» (эпикурейской) любовной лирики, составлял некоторые свои стихи от имени безымянной влюбленной женщины в жанре узритской газели:

*Разве не отвергнута им? Любимый, столько мук перенесла из-за него*⁴⁰.

«Куртуазность» (зарф) в раннем исламе

Вышесказанное позволяет говорить, что в привычном делении арабской любовной поэзии раннего ислама на бедуинскую («узритскую») лирику, посвященную платонической любви, и на жизнерадостную эпикурейскую («омаритскую») лирику городов Хиджаза (Западная Аравия) имеется изрядная доля схематичности. Во-первых, последняя, то есть городская любовная лирика раннего ислама, разделялась на два направления: на процветавшее в Хиджазе «омаритское» с его стремлением к радостям бытия и на чувственно-эротическое «куфийское». Во-вторых, каких-то обязательных правил для арабских поэтов в выборе жанров любовной лирики не существовало. Например, багдадский арабский поэт аль-'Аббас ибн ал-Ахнаф, хотя и родился в богатой семье и вырос в обстановке роскоши и неги, сочинял стихи в жанре узритской газели, то есть воспроизводил характерные черты бедуинской лирической поэзии с ее воспеванием романтической и целомудренной любви. В свою очередь, многие бедуинские поэты подались в города Халифата, где они пошли в услужение к богатым меценатам, халифам и губернаторам в качестве придворных панегиристов. Это видно на примере Абу Дахбалья, поэта, сочинявшего стихи в разных жанрах — как в жанре любовной лирики, посвященной платонической любви, так и панегирики и сатиры. Жесткое деление арабской лирической поэзии лишь на два направления (бедуинское и «хиджазское») не только страдает упрощением и схематизмом, но и мешает рассмотрению ранней арабской любовной лирики в контексте куртуазности (*зарф*) в культуре исламского общества той эпохи. В научной литературе по арабской поэзии указанного периода этому феномену практически не уделяется должного внимания. Такой подход может привести при анализе реалий литературной жизни раннемусульманского общества к пренебрежению «куртуазной» составляющей, без которой полная картина арабской любовной поэзии эпохи Омейядского халифата немислима.

³⁹ Умар (Омар) ибн 'Аби Раби'а (644–712) — знаменитый арабский поэт. Основатель «омаритского» направления в арабской лирической поэзии.

⁴⁰ Умар ибн 'Аби Раби'а. Диван Умар ибн 'Аби Раби'а. Бейрут: Дар аль-калам. Б. г. С. 63.

Зарф (мусульманская куртуазность) — явление сложное. Будучи порождением определенных культурных и социально-политических процессов, он начал оказывать ощутимое влияние на формирование тенденций в культуре ислама той эпохи. Видный мусульманский религиозный ученый Ибн аль-Джавзи (ум. 1201) дал следующее определение этому феномену: «*Зарф* — это красивый облик, стройный стан, чистоплотность и стильная одежда, красноречие и ум, благоухающий запах и избегание грязи и дурных поступков. Человек, следующий этим правилам, легок в движении, остроумен и ироничен. Он благороден и щедр, целомудрен и обладает прочими изящными качествами»⁴¹. 'Абу ат-Таййиб аль-Вашша' пишет: «Знай, что человек станет *зарифом* (носителем куртуазной этики. — *И. Н.*) только тогда, когда у него будут следующие качества — красноречие и правильность речи, целомудрие и чистота»⁴².

Зарф в общем виде можно определить как кодекс чести, учтивости, галантности и гламурного стиля жизни. В мусульманском обществе указанного времени людей, придерживающихся свода правил поведения *зарф*, называли *зарифами*. Многие арабские поэты являлись одновременно и самыми известными *зарифами*.

Проведение параллелей между лирической поэзией арабских поэтов раннего ислама и куртуазной лирикой средневековой Западной Европы также оправдано в силу нижеследующего обстоятельства. Для культур раннего ислама и позднего средневековья Западной Европы характерны рост индивидуального сознания и усиление интереса к миру человека, способного не только воевать ради религии, но и испытывать утонченную любовь к существу противоположного пола и восторгаться красотой окружающего мира. Поэтому при рассмотрении любовной лирики арабских поэтов раннего ислама закономерно ее сравнение с творчеством выдающегося итальянского поэта Данте Алигьери, автора «Божественной комедии». В культурном сознании Европы он занимает особое место благодаря своим произведениям, на которые был вдохновлен платонической любовью к своей музе и тайной возлюбленной Беатриче Портинари. В его творчестве, восходящем к рыцарской поэзии (куртуазная лирика), проявились себя новые тенденции культуры его эпохи — усиление интереса к человеку и начало преодоления теоцентризма и аскетизма средневековой картины мира. Данте относится к числу деятелей позднего средневековья, подготовивших условия для переходной эпохи итальянского искусства — Проторенессанса. Он был предтечей ведущего идейного течения Возрождения (Ренессанс) — гуманизма, в котором нашла свое выражение новая «земная», светская картина мира. Прежде в условиях господства средневековой картины мира искусство было обязано служить религии. Христианство с его проповедью равенства всех людей перед Богом стремилось к унификации их духовного облика; это вело к утрате интереса к индивидуальной психологии и отказу от реализма античного искусства в изображении человеческих переживаний. Лишь после многих веков

⁴¹ *Ибн аль-Джавзи*. *Китаб аз-зираф ва аль-мутамажинин*. Дамаск. 1928. С. 12.

⁴² *Аль-Вашша'*. *Аль-Мавашша'*. Бейрут: Дар Садир. Б. г. С. 51–52.

средневековья реализм в западном искусстве возрождается в новых формах в период Ренессанса, когда в западноевропейском обществе вновь пробуждается интерес к человеку как к активной личности, наделенной индивидуальной психологией⁴³. Своим творчеством Данте внес вклад в подготовку почвы для становления нового мировоззрения в эпоху Ренессанса. В картине мира в эпоху Возрождения человек и его земной мир становятся самоценными предметами искусства.

Нечто сходное можно увидеть в поэзии раннемусульманского общества VII–VIII вв. Как это ни покажется странным на первый взгляд, именно исламская религия послужила катализатором роста индивидуального сознания и фактором усиления интереса к индивидуальности человека и его внутреннему миру. Во-первых, Коран утверждает индивидуализацию человека, признает человека как личность, лично несущего ответственность за свои поступки, и отрицает языческое понимание человека как члена рода, скованного круговой порукой, то есть как существа безответственного. Во-вторых, ислам не отрицает земное, напротив, призывает человека наслаждаться благами земной жизни в дозволенных религией рамках. Спасение человека в той жизни никак не ставится в зависимость от пренебрежения посюсторонней жизнью и земной мир — не юдоль печали. Плотские желания и стремления сами по себе не есть нечто отрицательное, так как плоть человека в исламе не рассматривается как нечто изначально «поврежденное», или греховное. В-третьих, небывалый рост материального благосостояния и изобилия в городах Западной Аравии, где возник ислам, за счет завоевательных походов, активной торговли местного купечества и доходов от паломничества. В-четвертых, столица Халифата была перенесена из хиджазского города Медина (Западная Аравия) в Дамаск (Сирия). По этой причине Хиджаз, самая развитая в культурном и социально-экономическом отношении часть Аравийского полуострова с его «священными городами» Меккой и Мединой, сразу утратил свое политическое значение. Омейядские халифы, перенеся центр политической жизни в Сирию, сознательно способствовали процветанию культа гедонизма в Хиджазе с целью нейтрализовать критику своих оппонентов в лице благочестивых верующих, оскорбленных попранием представителями омейядской династии идеалов ранней мусульманской общины Медины. И наконец, в-пятых, процветание в среде аполитичной «золотой молодежи» и поэтов Хиджаза культа роскоши и наслаждения любовными утехами, стихами и песнопениями. Приток рабов и рабынь из Персии и Византии породил смешение старинного жанра застольной поэзии арабов, посвященной воспеванию вина (*хамрийат*), с аналогичными греческими и персидскими традициями, а также вызвал развитие пения (*гина*) как отдельного вида искусства и элемента чисто светской культуры.

Все указанные процессы породили в культуре раннего ислама куртуазность (*зарф*), которую можно определить как утонченный стиль поведения, возвышенное мироощущение, строгий этикет и особый свод правил отношения к женщине.

⁴³ См.: Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 256.

Есть несколько сочинений средневековых мусульманских авторов, непосредственно посвященных этому феномену, то есть куртуазности раннемусульманского общества. Это трактат Ибн аль-Джавзи (ум. 1201) «Сообщения о зарифах и циниках» (Ахбар аз-зираф ва аль-мутамаджинин) и сочинение Абу ат-Тайиба аль-Вашша' (ум. 936) «Лучшее о зарфе и зарифах» (Аль-Мавашша фи аз-зарф ва аз-зурафа') (краткое название «Аль-Мавашша'» (букв. «Вышитый»)). Немало сведений о зарфе можно почерпнуть из сочинения Абу аль-Фараджа аль-Исфахани (ум. 967) «Книга песен» (Китаб аль-агани), сочинения аш-Шабушти (ум. 999) «Монастыри» (Ад-Дайарат) и т. д. Есть работы по этой теме таких современных арабских авторов, как аль-Башир аль-Мадждуб и Салах ад-Дин аль-Мунадждид⁴⁴.

Приведем определение и описание различных сторон мусульманской куртуазности на материале сочинения «Вышитый» (аль-Мавашша') средневекового мусульманского писателя аль-Вашша'.

Куртуазность-зарф — это учтивое поведение, благородство, высокое осознание собственного достоинства, избегание дурного, целомудрие и щедрость. Носителем этих благородных качеств является тот, в ком есть четыре важнейших качества: красноречие, изящество манер, целомудрие и честность. Ему чужды деланость и искусственность в проявлении вышеупомянутых качеств⁴⁵.

Непременным признаком зарифа, придерживающегося куртуазного стиля в жизни, является любовь, даже страсть к женщине, ибо, как пишет аль-Вашша', лишь благодаря любви достигается полноценное умственное развитие человека, раскрываются душевное совершенство и все богатства его сердца. Любовь позволяет человеку преодолеть трусость, делает скупца щедрым, развязывает язык немому, укрепляет дух слабого человека, украшает застолье и душевные беседы, укрощает тирана, унижает горделивого и раскрывает все сокрытое во влюбленном человеке. Человек, утративший любовную страсть, теряет качества зарифа. Аль-Вашша' ссылается на аль-Ахваса аль-Ансари (ум. 723), арабского поэта омейядской эпохи, которому принадлежат нижеследующие стихи:

*Если ты не влюблялся и не познал страсть,
То будь одним из застывших камней пустыни.
Жизнь — это лишь наслаждение любовью и испытание страстей,
Пусть бы и порицали это люди злобы и желчи*⁴⁶.

Аль-Вашша' отмечает, что в обществе сложился консенсус относительно признаков любовной страсти зарифа. Ими являются худоба, болезненность и жел-

⁴⁴ Аль-Мадждуб, аль-Башир. Аз-Зарф ва аз-зурафа' би-л-Хиджаз фи-л-'аср аль-'умави. Тунис: Дар ат-турки. 1988; аль-Мадждуб, аль-Башир. Аз-Зарф би-л-'Ирак фи-л-'аср аль-'аббаси. Тунис: Му'ассасаг 'Абд аль-Карим ибн 'Абдаллах ли-н-нашр ва-т-тавзи'. 1992; аль-Мунадждид, Салах ад-Дин. Аз-Зурафа ва аш-шаххазун фи Багдад ва Барис. Бейрут: Дар аль-китаб аль-джадид, 1969.

⁴⁵ Аль-Вашша'. Аль-Мавашша'. С. 66–67.

⁴⁶ Там же. С. 75.

тизна его лица, ему не идет сон, влюбленного *зарифа* отличают потупленный взор, задумчивость, быстрый переход к слезливости, демонстрация покорности любви и постоянные стенания о разлуке с любимой⁴⁷. В ходе описания мусульманской куртуазности аль-Вашша' приводит стихи представителей как узритской любовной лирики с ее воспеванием платонической любви, как, например, Джамиль ибн Ма'мар, так и омаритской («эпикурейской») поэзии (аль-Ахвас, Ибн ар-Руми и др.).

Аль-Вашша' приводит большой список поэтов, испытавших любовную страсть к своим любимым женщинам, и перечисляет в одном ряду поэтов обоих направлений в арабской любовной лирики раннего ислама, узритского и омаритского, — Кайс ибн ал-Муваллах (Маджнун) с его Лейлой, Кайс ибн Зари', влюбленный в Лубну, Кусаййир, влюбленный в 'Аззу, Джамил ибн Ма'мар с его Бусайной, 'Умар ибн Аби Раби'а с его ас-Сарайей, Абу Атахийа с его 'Утбой и т. д.⁴⁸

Согласно аль-Вашша', любовь полна горечи и печали, более того, любовь и страсть к женщине могут привести к смерти⁴⁹. Смерть от любви некоторыми средневековыми арабскими поэтами приравнивалась к мученической смерти ради исламской веры — утверждалось, что погибший от любви должен считаться мучеником-шахидом:

*Лучше мне умереть, любовь — болезнь моего сердца.
Поистине, умерший от любовной страсти — шахид.*

Поэт Малух аль-Хаками в одном из бейтов-двустихий своих стихов утверждал:

*Кто умрет влюбленным,
Тому награда от Бога за мученическую смерть*⁵⁰.

Аль-Вашша' перечисляет признаки любви носителя куртуазности — *зариф* обязан пронести свою любовь к любимой через всю свою жизнь, не запятнав себя порочностью и не портя ее репутацию, ему следует довольствоваться лишь взглядом на нее, не претендуя на прямое общение и тем более на сексуальные контакты с ней. Долг влюбленного *зарифа* — сохранять свою любовь до конца жизни и не влюбляться в другую женщину. Так же должна вести себя и его возлюбленная. В случае смерти одного из влюбленных другая сторона также должна умереть либо провести всю жизнь, храня свою любовь к единственному возлюбленному/возлюбленной, помнить о нем/ней⁵¹. Правда, аль-Вашша' написал отдельную главу о вероломстве женщин и их непостоянстве в любви, хотя приводит и примеры жерт-

⁴⁷ Аль-Вашша'. Аль-мавашша'. С. 74–76.

⁴⁸ Там же. С. 83–84.

⁴⁹ Там же. С. 93–103.

⁵⁰ Там же. С. 113.

⁵¹ Там же. С. 116–119.

венной любви женщин⁵². Однополая любовь осуждается⁵³. Обладание богатством не порицается, если оно не вызывает у человека жадность, так же как и бедность не считается препятствием для следования куртуазному образу жизни⁵⁴.

Согласно аль-Вашша', куртуазность как свод высоких нравственных черт характера (благородство, высокое осознание собственного достоинства, избегание дурного, целомудрие, щедрость и т. д.) включает в себя и этикет, набор изящных манер. Ими являются вежливость и учтивость в беседе, уважение к частной жизни других, умение хранить тайны, в которые посвящен носитель *зарфа*, этикет поведения за столом, умение вести беседы с проявлением уважения к собеседникам, соблюдение этикета в общественных местах (воспрещается открыто зевать, прилюдно плевать, сморкаться, потягиваться, держать себя горделиво и надменно, следовать нравам простолудинов и т. д.). *Зариф* обязан был быть не только человеком благородным, но и иметь соответствующий вид, носить не просто чистую одежду, но безукоризненно стильную одежду. Он не должен был быть неряшливым. Ему следовало неукоснительно следить за своей прической, регулярно стричь ногти, чистить зубы и т. д.⁵⁵

Много места в сочинении аль-Вашша' уделяется описанию стиля в одежде *зарифов* и того, что считалось у них шиком и модным. У них было принято носить нижнюю и верхнюю одежду из дорогих и тонко обработанных материалов. Поражает не только наличие широкого набора одежд *зарифов* (различные виды нижнего белья, платья, накидки и т. д.), но и тщательный подбор цветов, внимание к оттенкам в цветовой гамме. Например, им возбранялось ношение одежд желтого цвета, так как считалось, что желтый цвет — это цвет одежд певич и рабынь. Также сложились особые правила использования благовоний, масел для умягчения волос и зубных щеток из веток деревьев.

Зарифы уделяли особое внимание своей обуви, которая должна была быть изящной, легкой и изготовленной из дорогой кожи. Было модно носить туфли разных цветов, например одну — черного, а другую — красного цвета или одну — желтого, другую — черного цвета.

Также был разработан негласный порядок ношения колец с драгоценными и полудрагоценными камнями. В качестве материалов следовало выбирать серебро и такие камни, как сердолик, рубин (голубой, красный, желтый), минеральный гранат и т. д. Воспрещалось ношение мужчинами украшений (кольца и т. д.) из золота⁵⁶.

Очень изысканным был стиль в одежде женщин-*зарифат*, то есть женщин, которые следовали куртуазному стилю поведения. Для их одежд тщательно подбирались дорогие и тонкие материалы, выдерживалась цветовая гамма (не поощрялось

⁵² *Аль-Вашша'*. Аль-мавашша'. С. 119–126, 134–161.

⁵³ Там же. С. 150–153.

⁵⁴ Там же. С. 159.

⁵⁵ Там же. С. 219–226.

⁵⁶ Там же. С. 181.

ношение одежды белого цвета (мужской цвет), зеленого и красного (цвета одежды набатеек) и т. д. Женщины носили туфли особого изготовления, пользовались различными благовониями и маслами, туалетной водой разных сортов.

Украшения, которые носили женщины-*зарифат*, поражают разнообразием и качеством. Для их изготовления использовались различные драгоценные камни, золото и серебро⁵⁷. *Зарифы* и *зарифат* носили особые пояса с застежками. Было принято использовать носовые платки с надписями любовного содержания. Сложился особый этикет поведения *зарифов* за столом, дополненный правилами приема прохладительных напитков (соки, морсы из рябины, фиников и т. д.).

Розы особо почитались *зарифами* как объект эстетического созерцания. Эти цветы рассматривались как символ бренности красоты, использовались в качестве напоминания о любви и заменителя образа любимой. Также ими почитались яблоки, которые служили напоминанием о красоте возлюбленной и общении с ней, а также помогали излить жалобы и избавиться от печали и грусти. Даже некоторые исламские мистики-суфии следовали этике куртуазности. Ибн аль-Джавзи пишет, что один из суфиев отправился в паломничество в Мекку, облачившись в стильную одежду и надев дорогие сандалии. В руках суфий нес хрустальный кубок с сирийским яблоком, запах которого он вдыхал всю дорогу⁵⁸.

Постепенно в среде носителей мусульманской куртуазности сложились неписанные правила не только поведения и манер, но и правила эпистолярного жанра, переписки и т. д. Были приняты также стандартные наборы надписей на кольцах и браслетах. Женщины-*зарифат* украшали надписями любовного содержания рукава, подола и шлейфы платьев, налобные повязки, а также подушки, скатерти, посуду, музыкальные инструменты и даже туфли и сандалии. Часто они наносили благовониями надписи из коротких стихотворных строк любовного содержания на свои щеки и лбы.

Можно указать на предпосылки и непосредственные причины возникновения куртуазного образа жизни в мусульманском обществе в VII–VIII вв. Предпосылки возникновения мусульманской куртуазности:

- 1) природная склонность арабов к искусству, красноречию и поэтическому слогу;
- 2) исламская религия, которая принесла дух строгой морали и способствовала одухотворению личности, преодолению эгоцентризма и воспитанию альтруизма, а также вела к смягчению нравов;
- 3) общий моральный прогресс в том смысле, что араб как личность цивилизовался благодаря материальному процветанию, общественной безопасности и появлению досуга как результата завоевательных походов и вступления арабов в тесный контакт с народами, которые находились на более высоком культурном уровне.

⁵⁷ *Аль-Ваиша*. Аль-маваиша. С. 184–190.

⁵⁸ *Ибн аль-Джавзи*. Ахбар аз-зираф ва аль-мутамаджинин. С. 43.

Женица-зарифа. Рисунок взят из книги Аль-Мунаджжид, Салах ад-Дин.
 Аз-Зурафа ва аш-шаххазун фи Багдад ва Барис (Куртуазные люди и маргиналы
 Багдада и Парижа). Бейрут. Дар аль-китаб аль-джадид, 1969 г.

Что касается непосредственных причин возникновения *зарфа*, то это, во-первых, деятельность литературных «салонов»-*маджлис*ов и, во-вторых, поощрение куртуазного стиля жизни со стороны общества, особенно со стороны представителей аристократических слоев⁵⁹.

Следует подчеркнуть важную роль женщин в культурной жизни того времени, поскольку местами формирования куртуазного образа жизни были своеобразные литературные «салоны», располагавшиеся в домах свободных арабских женщин, часто представительниц старинной родовой знати, и известных певиц-рабынь. В этих «салонах» собственно и устраивались *маджлисы*, или собрания, на которых поэты читали свои стихи, а певицы-рабыни перелагали их в песни, сопровождая себя на струнном музыкальном инструменте 'уд. Как это ни удивительно, женщины той эпохи (как арабские женщины-аристократки, так и певицы-рабыни) облада-

⁵⁹ Аль-Мадждуб, аль-Башир. Аз-Зарфа ва аз-зурафа' би-л-Хиджаз фи-л-'аср ал-'умави. С. 19.

ли значительной свободой — они могли приглашать к себе домой поэтов и музыкантов, устраивать поэтические состязания и выступать на них судьями. От этих женщин требовалось наличие большого искусства, ума и характера, чтобы найти баланс между естественным желанием удовлетворить тягу к роскошному образу жизни, потрафить своим художественным вкусам и просто пококотничать с известными поэтами и *зарифами*, с одной стороны, и между требованием соблести честь и репутацию — с другой.

Одной из хозяек литературных «салонов» из числа известных женщин-*зарифат*, то есть ведущих куртуазный образ жизни, была Сакина бинт аль-Хусейн. Смерть ее отца, Хусейна ибн 'Али, сына четвертого «праведного халифа» 'Али ибн 'Аби Талиба, оказала глубочайшее воздействие на политические события в истории ислама. Он почитается шиитами как третий непогрешимый имам. Сообщается, что во время пятничных молитв в мечети она со своими служанками вступала в пререкания с выступавшим с проповедью священнослужителем, когда тот позволял себе критику в адрес ее деда, 'Али ибн 'Аби Талиба⁶⁰. Среди посетителей ее «салона» были крупнейшие поэты Джарир, аль-Фараздал, Кусайир, Джамиль и многие другие.

Другая известная женщина-аристократка по имени 'Аиша ибн Талха не скрывала от людей свое лицо под вуалью-никабом. Однажды ее муж, Мас'аб ибн аз-Зубайр, губернатор Ирака, высказал недовольство по этому поводу. 'Аиша в ответ заявила ему: «Всевышний Господь одарил меня красотой, и мне любо, чтобы люди смотрели на меня и знали, какую милость им оказал Бог через мою красоту. Поэтому я не скрываю свое лицо. Клянусь Богом, на мне нет пятна позора, чтобы кто-то мог сказать о том»⁶¹.

Влияние женщин на формирование мусульманской куртуазности трудно переоценить. Они способствовали утверждению культа красоты, утонченности эстетических вкусов и манер, потребности в интеллектуальном общении и тяги к искусству. Знаменитая певица (*кайна*) Джамия, хозяйка одного из лучших литературных «салонов» Медины, при проведении литературных собраний наряжала своих служанок в искусно разукрашенные одежды с надписями, составленными из любовных стихов.

Еще одним вкладом женщин в сложение «салонной» культуры в эпоху Омейядов стало их участие в создании жанра стихотворной переписки. Переписка женщин со своими поклонниками способствовала росту интеллектуального общения, которая характеризуется интимностью, эстетической и философской направленностью и элитарностью. Все это стимулировало формирование потребности в высоком искусстве. На развитие эстетического вкуса женщин той эпохи оказали влияние сложившаяся атмосфера роскоши и тесные контакты с поэтами, певцами

⁶⁰ Аль-Исфাহани, *Абу аль-Фарадж*. Ахбар аль-Хусайн ибн 'Али ва насабу-ху // Китаб аль-агани. Т. 161. С. 151.

⁶¹ Аль-Исфাহани, *Абу аль-Фарадж*. Ахбар 'Аиша бинт Талха ва насабу-ху // Китаб аль-агани. Т. 11. С. 180.

и певицами. В результате поэзия и пение превратились в насущную потребность женщины благодаря тому, что это было связано с ее самым сокровенным желанием — быть любимой и услышать из уст мужчины признание в любви⁶². Поэтому ее душе оказались столь близки стихи в жанре любовной лирики, завораживающие все ее существо до такой степени, что она зачастую была не в состоянии противостоять очарованию этих стихов и сама начинала искать встречи с их автором, чтобы насладиться беседой с ним. Ради встреч с поэтом некоторые женщины были готовы пренебречь святостью мест паломничества в Мекке. Средневековый арабский писатель 'Абу аль-Фарадж аль-Исфахани, автор «Книги песен», приводит рассказ о девушке, прибывшей вместе с матерью в Мекку для совершения обрядов паломничества. Здесь она услышала, что знаменитый поэт 'Умар ибн 'Аби Раби'а также находится в городе. Она сообщила ему через людей, что хочет встретиться с ним. Когда поэт явился к ней, она попросила прочитать ей свои стихи. Сама она укрылась за завесой, так что поэт не мог ее видеть. Он прочитал ей свои стихи, которые так сильно затронули ее сердце, что она откинула завесу и предстала перед ним. Его поразили ее красивое лицо и стройный стан. Поэт сразу влюбился и незамедлительно стал свататься к ней, предложив ее матери 500 динаров. Девушка отказалась выходить за него замуж, но попросила сваху опять прийти. С виду она казалась очень печальной. Тогда рассерженная мать сказала ей: «Сгубила тебя любовь к нему. Выходи за него замуж!» Та ответила ей: «Нет, клянусь Богом, нет. Жители Ирака станут говорить за моей спиной, что это я прибыла сюда, чтобы свататься к 'Умару ибн 'Аби Раби'а. Вот если он придет ко мне в Ираке, то тогда я выйду замуж за него»⁶³.

Взросший интерес женщин (и в целом общества) к любовной лирике в жанре газели выражался не только в стремлении заучивать и декламировать стихи, но и составлять нечто вроде любительских сборников стихотворений. Тот же писатель 'Абу аль-Фарадж аль-Исфахани приводит следующий рассказ. Вольноотпущенница Забийа пришла по делам в дом знатного араба по имени 'Абдаллах ибн Мас'аб. Заметив в ее руках тетрадь, он спросил о ее содержании. Она ответила, что в ней стихи поэта 'Умара ибн 'Аби Раби'а. Хозяин дома воскликнул: «Горе тебе! Ты посещаешь дома, где есть женщины, со стихами 'Умара ибн 'Аби Раби'а? Его стихи глубоко проникают в сердце, нежно склоняя его к любви. Если стихи околдовывают, то околдовывают именно его стихи. Унеси свою тетрадь отсюда!»⁶⁴

В то же время сами арабские поэты внесли существенный вклад в формирование куртуазности в культурной жизни в период раннего Арабского халифата. Этот вклад не ограничивался только следованием особым правилам поведения, ношением стильной одежды и культом внешней красоты. Они сыграли большую

⁶² Аль-Мадждуб, аль-Башир. Аз-Зарф ва аз-зурафа' би-л-Хиджаз фи-л-'аср аль-'умави. С. 48.

⁶³ Аль-Исфахани, 'Абу аль-Фарадж. Зикр хабар 'Умар ибн 'Аби Раби'а ва насабу-ху // Китаб аль-агани. Т. 1. С. 91.

⁶⁴ Там же. С. 87.

роль в воспитании эстетических вкусов общества и прививании широкой публике тяги к утонченным образцам искусства. Арабская лирическая поэзия, получившая толчок к развитию действием целого ряда социально-политических и экономических причин (рост материального благополучия, появление досуга среди широких слоев населения, вступление арабов в тесные контакты с другими народами и т. д.), теперь сама превратилась в один из факторов культурной жизни общества. Арабские поэты и прежде славились врожденным чувством прекрасного, что так ярко выразилось в жанре описания красот окружающей природы (*васф*). Теперь они стали буквально одержимыми в поисках красоты в новых формах, и самым высшим ее видом для них стала женская красота, воспеваемая ими в стихах-газелях.

Свое дело по воспитанию утонченных эстетических вкусов арабские поэты осуществляли также благодаря своему непосредственному участию в жизни литературных «салонов»-*маджлисов*. Поэтические состязания в них благотворно сказывались на творчестве самих поэтов, помогали каждому из них обрести свой индивидуальный авторский стиль. Развитию лирической поэзии и усилению куртуазности в культурной жизни также способствовал новый для арабов вид искусства — пение (*гина*). Среди арабской знати широкое распространение получило приобретение певиц-рабынь греческого и иранского происхождения. У каждой хозяйки литературных «салонов» были певицы-невольницы, которые с удовольствием перелагали стихи поэтов на музыку. Стихи служат первичным материалом для песен, поэтому поэты были желанными гостями этих «салонов». В свою очередь, искусство пения помогало росту популярности автора стихов и сохранению их в памяти людей.

Средневековая арабская поэзия вместе с классической персидской мистической (суфийской) поэзией внесла большой вклад в развитие исламской и мировой культуры. Арабские поэты периода расцвета исламской культуры (VII–XIV вв.) сочиняли свои произведения в разных жанрах — от традиционной любовной лирики до придворной панегирики. Специалисты по арабской литературе по достоинству оценивают достижения выдающихся арабских поэтов средневековья, в чьих произведениях нашла отражение богатейшая и тончайшая гамма оттенков такого глубокого человеческого чувства, как любовь мужчины к женщине. Но в силу разных исторических причин арабская любовная лирика оказалась заслонена классической персидской мистической поэзией, посвященной воспеванию любви суфия к Возлюбленной (Бог). Как мистическая, так и земная лирика выдающихся персидских поэтов, как, например, Руми, Аттар, Хафиз Ширази и Омар Хайям, стала как бы лицом мусульманской поэзии, перешагнувшей сквозь века и остающейся вечно современной для новых поколений читателей.

Вряд ли следует заниматься неблагодарным делом восхваления одной традиции мусульманской поэзии в ущерб другой. У каждой из них есть свои достоинства. Важно помнить, что великая персидская мистическая поэзия с ее основным сюжетом о чисто духовной любви к Возлюбленной (Бог) восходит к узритскому направлению арабской лирической поэзии, воспевавшей платоническую любовь к

земной женщине. Персидская поэзия обогащалась за счет поэтических традиций других мусульманских народов, в первую очередь арабов, поскольку в период складывания исламской цивилизации не существовало жестких перегородок между культурами мусульманских народов (арабы, персы, турки и т. д.). Эти народы развивались в условиях тесного взаимодействия и взаимовлияния длительное время в рамках единого культурного пространства.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Арабская лирическая поэзия первых веков ислама развивалась как один из факторов формирования особого куртуазного образа жизни в культуре и одновременно сама обогащалась в жанровом и тематическом отношении под влиянием мусульманской куртуазности. Разумеется, нельзя проводить прямые параллели между арабской лирической поэзией раннего ислама с поздней средневековой европейской поэзией (в данном случае в лице поэзии Данте Алигьери) или искать прямые заимствования. Но при всех различиях между ними имеются и явные сходства (платонический и целомудренный характер любви поэта к своей возлюбленной, объект любви остается недоступным, любовь превращается в безотчетную и на грани безумия страсть и т. д.). Даже в случаях исключения (арабский поэт VII в. Кайс ибн Зари' был женат на своей возлюбленной) история любви всегда имеет печальный конец (тот же Кайс ибн Зари'а был вынужден развестись с любимой женой по воле родителей, что привело к трагической развязке — они оба умерли, страдая от разлуки). И что удивительно, манера выражения любви арабских поэтов к своим возлюбленным очень близка способу выражения Данте любви к своей тайной возлюбленной в соответствии с концепцией куртуазной любви средневековой Европы с ее главенствующим мотивом — тайной, безответной формой восхищения своей возлюбленной. Это сходство между западноевропейской куртуазной лирикой и арабской любовной поэзией давно подмечено. Считается, что арабская поэзия Пиренейского полуострова эпохи Кордовского халифата сильно повлияла на развитие лирики трубадуров. Как и в западноевропейской куртуазной лирике с ее темами рыцарской чести и любви, главным мотивом арабской лирической поэзии раннего ислама является восторженное отношение к женщине. Тема любви — вечная тема поэзии. Арабские «Данте», поэты раннего ислама, посвятив любви свои произведения, не только обессмертили свои имена, но и способствовали превращению арабской поэзии в неотъемлемую часть мировой культуры.

Литература

- Апресян Р. Г. Любовь // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. С. 464–466.
- Аль-Балазури. Ансаб ал-ашраф. Т. 3. Б. г., б. м.
- Большаков О. Г. История Халифата. Т. 3. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.
- Аль-Ваишиа'. Китаб аль-мавашша' (Аз-Зарф ва-з-зурафа'). Бейрут: Дар Садир. Б. г.

- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. С. 551.
- Гаспаров М. Л.* Поэт и поэзия в римской культуре // Избранные труды. Т. I: О поэтах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 49–80.
- Гибб Х. А. Р.* Арабская литература. Классический период. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.
- Ибн 'Араби.* Фусус аль-хикам. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-'араби, 1980.
- Ибн аль-Джавзи.* Китаб аз-зираф ва аль-мутамажинин. Дамаск, 1928.
- Аль-Исфахани,* 'Абу аль-Фарадж. Китаб аль-агани. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-'илмийа, 1992. Т. 7.
- Коран / Пер. с араб. акад. И. Ю. Крачковского. М.: Изд-во «Раритет», 1990.
- Аль-Мадждуб, аль-Башир.* Аз-Зарф ва аз-зурафа' би-л-Хиджаз фи-л-'аср аль-'умави. Тунис: Дар ат-турки, 1988.
- Аль-Мадждуб, аль-Башир.* Аз-Зарф би-л-'Ирак фи-л-'аср аль-'аббаси. Тунис: Му'ассасат 'Абд аль-Карим ибн 'Абдаллах ли-н-нашр ва-т-тавзи, 1992.
- Аль-Мунадждид, Салах ад-Дин.* Аз-Зурафа ва аш-шаххазун фи Багдад ва Барис. Бейрут: Дар аль-китаб аль-джадид, 1969.
- Муслим.* Сахих Муслим. Бейрут: Дар ихйа' ат-турас аль-'араби. Б. г. Т. 1.
- Родионов М.* Ал-Муганабби: поэт в исламском обществе в X в. // Ислам. Религия, общество, государство. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. С. 149–155.
- Платон.* Пир // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 81–134.
- Ат-Табари.* Та'рих ат-Табари. Бейрут: Дар аль-кутуб аль-'илмийа. Б. г. Т. 4.
- 'Умар ибн 'Аби Раби'а.* Диван 'Умар ибн 'Аби Раби'а. Бейрут: Дар аль-калам. Б. г.
- Федорова Е. В.* Императорский Рим в лицах. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
- Хайдеггер М.* Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. С. 47–116.
- Хасан Хамис аль-Малиджи.* Аль-Адаб ва ан-нусус. Эр-Рияд: Джамии'ат аль-малик са'уд. 'Амадат шу'ун аль-мактабат, 1989.
- аш-Шабушти.* Ад-Дайарат. Б. г., б. м.
- Jacobi R.* 'Udhri / The Encyclopaedia of Islam. Vol. X. New ed. Leiden-Brill. 2000.

Summaries

Yulia V. SINEOKAYA

Foreword. Everything is moved by love...

The book you are holding in your hands is the story of philosophical unions whose creative work was formed with mutual love, of the unity of philosophy and Eros, of how philosophical texts are born from the intertwining of personal and creative fates. It is a chronicle of the passions of people who lived in different eras and different countries and worked in different thought paradigms. The poignant tragedy of all the life stories is overcome through joint creative work, the joy of communicating with a person of kindred spirit, of finding the meaning of life in passionate service to the chosen one and to one's calling. No two essays, no two stories in this volume are alike. The book opens with the stories of love and work of married couples. Then follow essays about impossible love, about lovers doomed to be separated, and about those who were close and loving, but never became loved. The next body of texts is stories of forbidden love that challenges the social mores and involves a series of difficult and painful decisions lovers have to make. The book concludes with stories of spiritual love. It draws on rare archive materials, letters, personal notes, memoirs and diary jottings of philosophers. It contains fragments from academic papers never published in Russian before and letters of foreign thinkers. It is aimed both at historians of philosophy and at the broad lay audience. It may attract those who are interested in the lives of past thinkers and the history of how philosophical concepts were conceived — the “biographies” of ideas and senses. The reader will find neither solace nor instruction in the vicissitudes of the heroes' lives, instead he will learn how love-passion, love of someone to lean on, love-rapture, love-support, love-infatuation, love-service and love-friendship shape a philosophical tradition.

Keywords: love and philosophical interests, friendship, act, family, mutual understanding, Eros, death, creative self-determination, religious creativity, intellectual history.

Svetlana S. NERETINA

The Concept of Love: Peter and Heloise

The dramatic twists and turns of the love of the philosopher and theologian, the school master-dialectician Peter Abelard and his pupil Heloise who became his lover and eventually his wife, express the medieval (the 12th century) attitude to love as an ontological

principle of life based on love of God and claiming the whole of the human being. Love is associated with the creative element of the world and with the beginning of speech which can reflect it. *The History of My Calamities* by Abelard and his correspondence with Heloise is the first medieval narrative of private, intimate life. Both works reveal, on the one hand, the processes of the formation of scholasticism, the question-and-answer method underlying Abelard's work *Yes and No* and, on the other hand, the meaning of an event complemented through subject-to-subject speech. Correspondence is a blend of theory and empiricism. The love act is assessed by those involved in it on the basis of the intention responsible for the deed. This is one of the main ideas of Abelard's treatise *Ethics, or Know Yourself*.

Keywords: history, dialectics, scholasticism, ethics, theology, master, poet, monk, correspondence, intention, act, disaster, consolation.

Maria V. MIKHAILOVA

Vyacheslav Ivanov and Lydia Zinovieva-Anibal: collapse of "the ideal union" or "vivid image of happiness that could be?"

The article traces the evolution of the love between Vyacheslav Ivanov and Lydia Zinovieva-Anibal from the time they met until the dramatic events following her death. The relationship is treated in terms of the phenomenon Sergey Averintsev described as "Symbolist marriage". The author shows how marriage leads to the emergence of Ivanov's concept of the new church in which Eros assumes a flesh-and-blood form. Theoretical propositions are shown as they manifest themselves in daily life. Equal attention is given to the creative interaction of the couple and the actual manifestation of their feelings, the philosophical intensity being equally present in both.

Keywords: the concept of love, Eros, the new church, creative self-determination, feminist intentions, Symbolist marriage.

Olga R. DEMIDOVA

"In Search of the City of God": the Merezhkovskys and Filosofov on religious justification of Revolution

The article treats the phenomenon of collective creative activity by one of the most famous St Petersburg 'triple unions' at the turn of the 19th — 20th centuries, the Merezhkovskys (Z. Gippius and D. Merezhkovsky) and D. Filosofov. Of the three collectively produced works, i.e. publicistic collections *The Tzar and the Revolution* (Paris, 1907) and *The Kingdom of the Antichrist* (Munich, 1921) and the play *Makov Tsvet* (1906). The main focus is on the Paris collection, the first among the works created as part of the trio's general life and religious projects, reflecting their major ideas connected with their

concept of ‘the new religious community’ (novaya religioznaya obshestvennost’) and their understanding of the Russian revolution as a religiously grounded phenomenon. The analysis is carried out against a wide historical, cultural, philosophical background: the author uses an impressive number of fictional, non-fictional and academic sources drawing on Merezhkovsky’s and Filosofov’s memoirs, diaries, and letters.

Keywords: Merezhkovskys, Filosofov, “triple union,” spiritual brotherhood, religion, religious, religious creativity, revolution, Europe, Russia, Tsar, church, state, Russian Orthodoxy, Catholicism, terrorism, freedom, slavery.

Elena A. TAKHO-GODY

The joy of suffering (Alexey Losev’s philosophy of love)

The article discusses the philosophy of love of the great Russian philosopher A. F. Losev (1893–1988). Unlike his spiritual master Vl. Solovyov, Losev did not seek to systematically reflect on the love in his philosophical texts. In this regard, it is necessary to reconstruct Losev’s philosophy of love on the basis of his first publications in the 1910s, different types of ego-documents (first and foremost, his adolescent diaries and personal correspondence), satellite texts — his philosophical-musical fiction created in the 1930s – 1940s after his arrest and camp detention. The analysis of these materials suggests that, according to Losev, true love is not a pleasure or a form of initiation of the joys of earthly existence, it is not only the problem of the “flesh” or “sex” (as it was perceived by V. V. Rozanov); it is an earthly projection of Divine Love, one of the ways of ascension to the Heavenly Homeland through sacrifice and suffering. For Losev this conception of love is not an abstract speculation, nor is it just a subject for a literary piece of art, it is the foundation for building his own life strategies (spiritual marriage with V. M. Loseva, their joint taking of monastic vows).

Keywords: A. F. Losev, V. M. Loseva, Vl. Solovyov, V. Rozanov, adolescent diaries, personal correspondence, philosophical-musical fiction.

Alexey P. KOZYREV

Sergei Bulgakov and Yulia Reitlinger: on the history of spiritual love

The article considers personal and creative relationships of Sergei Nikolaevich Bulgakov, a theologian, a philosopher and a priest and Yu. N. Reitlinger, an artist and an icon painter (whose monastic name was sister Ioanna). Beginning with their acquaintance in the Crimea in 1918 and until Father Sergius’s death in Paris in 1944, Yu. N. Reitlinger was spiritually close to Bulgakov, was his spiritual daughter; he regarded her creativity as one of topmost achievements of religious contemporary art. The article presents the material of S. N. Bulgakov and Yu. N. Reitlinger’s personal diaries, their correspondence and testimonies of their contemporaries. Along with mother Maria (Skobtsova), Yu. N. Reitlinger

is one of the most conspicuous participants in the spiritual life of the Russian emigration in the first half of the 20th century (Prague, Paris). The article also touches upon S. N. Bulgakov's philosophy of sex reflected in his works of the 1910s – 1920s, his attitude towards V. V. Rozanov.

Keywords: men's and women's, anthropology, sex, creativity, Wisdom of Good, icon, personal diary.

Nelly V. MOTROSHILOVA
Hanna Arendt and Heinrich Blücher:
Love Based on Mutual Understanding

This article, being an integral part of the author's publications on Hanna Arendt, is devoted to important years in her life and the life of her husband Heinrich Blücher (from 1940 until their deaths) The author concentrates on such characteristics of their love as **mutual understanding** (on Blücher's part it is his genuine responsibility as a man and husband), shared values and the ability to orient themselves in all the spheres of social and personal relationships; their profound interest in philosophy; a group of true family friends; the fact that Hanna Arendt's husband was to her "a portable Heimat" (H. Heine's expression).

Keywords: family, mutual understanding between Hanna Arendt and Heinrich Blücher, support, love and philosophical interests; family friends.

Daniil O. ARONSON
"The More Loving One":
Wystan Auden and Hannah Arendt

Poet Wystan Hugh Auden and political thinker Hannah Arendt became acquainted in 1958 and remained friends until Auden's death in 1973. The story of their friendship, as well as that of their intellectual exchange, had its twists. The article attempts to clarify the story of their personal relationship through their respective standpoints in their dispute on love and forgiveness, and *vice versa*.

Keywords: Auden, Arendt, love, forgiveness, respect, public realm, political action.

Pavel S. GUREVICH, Elvira M. SPIROVA
Volumtuousness and Love of Wisdom (on the Heartfelt Secrets
of Jean-Paul Sartre and Simone de Beauvoir)

The article examines the relationship between the philosopher Jean-Paul Sartre and the writer Simone de Beauvoir. For many decades their friendship and love were

marked not only by joint creative work, but also by reflections on love as existence at its most thrilling. The article covers the following issues: how are Sartre's philosophical ideas related to Simone de Beauvoir? Do they reflect the dramaturgy of their own emotional and erotic relationship? The authors of the article believe that there is no doubt about that. Without Beauvoir there would have been no Sartre. At least not the Sartre we know. The passion of one induced philosophical insights of the other. At the same time the authors consider the version according to which many of Sartre's ideas actually belong to Beauvoir. The theme of freedom plays a considerable role in their philosophical reflections. Both believed that modern society was prone to slavish mentality and claimed that freedom should not just be recognized, but worshipped. In their opinion, marriage and family did not allow one to realise his/her own unlimited freedom. They consider these concepts to be outdated and burdensome both for man and woman. But in their understanding of the essence of love these kindred spirits diverge. Beauvoir envisages love from a purely emotional angle. As for Sartre, he takes a more rational view assessing the "transcendence" (existence) of love. Every person, they believed, had to be master of his/her own destiny. Betrayal of this existential principle may take two forms: masochism and sadism.

Keywords: human existentials, love, freedom, the Other, human being, sadism, masochism, suffering, sexuality, desire.

Anna A. KOSTIKOVA
Daniel, Mathieu, Hervé:
Three Writings of Michel Foucault' Passion

Love and passion are one of the subjects of Michel Foucault' philosophical interest, his revolutionary rethinking. Today those whom he loved, continue not only this story of passion, but also a specific discourse to describe it — thanatography.

Keywords: modern philosophy, French modern philosophy, Michel Foucault, discourse, sexuality, writing.

Grigory V. BONDARENKO
Bengal Nights:
Mircea Eliade and Maitreyi Devi

Mircea Eliade (1907–1986), now known as a scholar of religious studies and a Traditionalist thinker, wrote in 1933 in the Romanian language his novel *Maitreyi* devoted to the vivid experience of living and studying in India. Eliade's *Maitreyi* is not only and not so much an erotic story of the tragic love of a European scholar for an indigenous woman. With Maitreyi's help Mircea/Allan tries to stay in India, to become an Indian, to convert to Hinduism which at some point paradoxically seems to him to be the highest level of Christianity. For a young scholar, Maitreyi serves as a guide to the world of In-

dian traditions. More than forty years later, in 1974, Maitreyi Devi (1914–1990) writes in Bengali her answer *Na Hanyate (It Does not Die...)*, a biographical novel later translated into English. The title of her book *Na Hanyate (It Does not Die...)* is a phrase taken from *The Bhagavad Gita* (2:20). The whole utterance in English translation sounds as follows: “Unborn, permanent, eternal, ancient, he does not die when the body dies”. The novel not only concerns immortal Atman but also eternal love.

Keywords: Mircea Eliade, religious studies, Hinduism, fiction, poetry, Maitreyi Devi, India, Atman, Bengal.

Alexey A. KARA-MURZA

The Fourth Meeting:

Vladimir Solovyov and Nadezhda Auer

on the shores of the Bay of Naples (spring 1876)

The article describes the stay of the Russian philosopher Vladimir Solovyov in Sorrento near Naples in the spring of 1876, where he wrote important fragments of his treatise *Sophia* (in French) which would provide the basis for his grandiose philosophical system. In Sorrento he met Nadezhda Auer, a married woman traveling in Italy. His love for her would leave a strong imprint on his work and would over time develop into a loyal long-term friendship that ended only with the philosopher’s death.

Keywords: Vladimir Solovyov, Nadezhda Auer, Italy, Sorrento, creativity, love, friendship.

Ksenia V. VOROZHNIKINA

The Philosopher’s “Accursed Incident”:

Lev Shestov and Varvara Malakhiyeva-Mirovich

The article considers the causes of the psychological and worldview crisis experienced by Lev Shestov in 1895, which made him renounce his idealistic philosophy and take the path of groundlessness and adogmatism; it also traces Shestov’s evolution as a philosopher beginning with his early works on Shakespeare and Vladimir Solov’ov. Varvara Malakhiyeva-Mirovich, a journalist, a translator and a Silver Age poet, attests that Shestov’s philosophy of tragedy was born of his personal drama. His meeting with Malakhiyeva-Mirovich left a distinctive mark on the poet’s views and his creative work: she embraced his ideas of “creation out of nothing”, “the seventh day of Creation”, and hopelessness as the source of hope.

Keywords: Lev Shestov, Malakhiyeva-Mirovich, People’s Will group, Tolstoyism, God-seeking, Hamlet, “creation out of nothing”, “diversity of religious experience”.

Igor A. EBANOIDZE

Kierkegaard's Hoola-Hoop, or Regina Olsen as the Gorgon of Kierkegaard's philosophy

Taking as an example one of Soren Kierkegaard's letters to his mistress Regina Olsen, the author demonstrates the strategies of various discourses in the texts of the Danish philosopher that characterize his eccentric manner of writing which constantly swings between approximation and distancing.

Keywords: Kierkegaard's philosophy, indirect communication, mirror optics, distancing and engagement, excentric letter, leap, demonic.

Yulia V. SINEOKAYA

Friedrich Nietzsche and Lou Salome: "On crests of waves of life"

The story of love between Friedrich Nietzsche and Lou Salomé is told against the broad context of the German philosopher's oeuvre. Events are chronicled on the basis of Nietzsche's letters to Lou Salomé, his correspondence with friends and relations and the testimony of contemporaries and researchers of the body of work left Nietzsche and Salomé. The author believes that Nietzsche's favorite legend of Ariadne from ancient Greek mythology is the key to the tragic vicissitudes of a love triangle involving Friedrich Nietzsche, Lou Salomé and Paul Rée. For Nietzsche his love for Lou Salomé turned his own life into a Greek mystery whose protagonists were Ariadne (Lou Salomé), Theseus (Paul Rée) and Dionysus (Friedrich Nietzsche himself). The plot comes down to Dionysus freeing Ariadne with Theseus' approval. The passionate, in many ways tragic and searing relationship, where the impulse of love blended with the brilliance of mind, lasted only eight months, from April to December of 1882. The trail of gossip and rumour stretching over decades proved to be much more enduring than the romance itself.

Keywords: existential experiment, love story, Nietzsche's philosophy, perpetual return, cultural identity, Dionysus and Ariadne.

Igor A. EBANOIDZE

Love as "Cherished Solitudes"

(Lou Salomé, Rainer Maria Rilke, Marina Tsvetaeva)

The article explores the reception of ideas of R. M. Rilke and F. Nietzsche in S. Frank's ethics of love. The Austrian poet, as well as the German thinker, connected the biographical context of these ideas with Lou Salomé, a woman who left her mark not only on his fate, but also on the fate of Nietzsche. In the last year of his life, Rilke relives these ideas anew in his epistolary contact with M. Tsvetaeva.

Keywords: phenomenology, mysticism, transtsendention, absolute, emancipation, love, ethics, love to distant, loneliness, communication.

Pavel S. GUREVICH, Elvira M. SPIROVA
Death is not the last mystery of life
(The romance between Sabina Spielrein
and Carl Gustav Jung)

The article uses documentary materials and scholarly texts to recreate the story of the romantic relationship between Sabina Spielrein and Carl Gustav Jung. The love affair that lasted several decades made an imprint on their thinking and led them to individual and shared discoveries. Spielrein belongs to the galaxy of outstanding representatives of the psychoanalytic school. Her scientific legacy merits a thorough study. The slings and arrows of her life prevented her from receiving full recognition. The authors of the article try to redress that injustice. The article breaks new ground being the first attempt in Russian literature to give a thorough analysis of Spielrein's theoretical achievements and prove her claim to having pioneered some basic ideas of psychoanalysis. Sigmund Freud himself gave her credit for promoting the Thanatos concept. The article also speaks of love that consumed these two people and influenced their creative endeavors.

Keywords: psychoanalysis, Sabina Spielrein, love, death, hysterical temperament, Eros, Thanatos, projection, symbolism, identity

Anatoly V. CHERNYAYEV
"In you I actually experience the image of wholeness!":
the reception of V. S. Solovyev's philosophy of love in the
"love friendship" relations between M. K. Morozova
and E. N. Trubetskoy

The article attempts to give a twin historical-philosophical portrait of Evgeny Trubetskoy and Margarita Morozova. Drawing on their correspondence and joint activities in the *Put'* religious-philosophical group, it seeks to demonstrate the importance of personal relations in generating philosophical ideas, developing philosophical culture and implementing socio-cultural projects in Russia in the early 20th century.

Keywords: E. N. Trubetskoy, M. K. Morozova, V. S. Solovyov, Russian religious renaissance, the philosophy of politics, *Put'* religious-philosophical group.

Vladimir K. KANTOR
A mystical ban. Fyodor Stepun and Anna Obolenskaya
(the Russian Abelard and Heloise)

In his article V.Kantor describes an unusual phenomenon: the correspondence between a man and a woman which became a fact of history and culture. The love letters of the philosopher Fyodor Stepun and Princess Anna Obolenskaya, an artist, rightly belong

to the series of romances that opens with the names of Pierre Abelard and Heloise. The 20th century was an age of social, political and human catastrophes. Those who survived and retained their dignity and ability to love in those gruesome times deserve the attention of people of culture.

Keywords: Stepun, Obolenskaya, Russia, Germany, Dresden, Munich, love, death.

Vladimir I. SHARONOV

Karsavin to Skrzhinskaya: "It was you who linked my metaphysics with my biography and life in general..."

Drawing on the archive documents not easily accessible to researchers, the author reconstructs the history of relationship between Lev Platonovich Karsavin and Elena Cheslavovna Skrzhinskaya and their reflections in the books *Noctes Petropolitanae* and *Poem of Death* containing the main ideas of Karsavin's metaphysics. The article suggests the author's vision of the specificity of Karsavin's religious thought with respect to the theme of faith and disbelief of modern man.

Keywords: Lev Karsavin, Elena Skrzhinskaya, Pyotr Suvchinsky, Marina Yudina, God, Christianity, religiosity, dogmatics, democratic, mysticism, creative love, metaphysics.

Tamara B. DLUGACH

Voltaire and the divine Émilie

Voltaire met Baroness Émilie du Châtelet in Paris, in the late 1720s. She was his life's companion for sixteen years. She was an outstanding woman who was interested in natural sciences and mathematics. She and Voltaire spent sixteen years at her Sire estate on the border with Lorraine. There Voltaire wrote his historical work *An Essay on Universal History, the Manners, and Spirit of Nations*, the preface to his *Philosophy of History*, *The Virgin of Orleans*, several dramas and historical works. It was there that his concept of enlightened absolutism was taken shape. Émilie did not only share his academic pursuits, but took care of him, protected him and showed concern for his health. For the first time Voltaire found a home and a like-minded woman he loved. The years spent with Émilie were full of joy and creative endeavor. After Émilie's sudden death in 1749, Voltaire left for Prussia to Friedrich II.

Keywords: history, literature, people, enlightened absolutism, experiences, mores, theatre, drama, opinion.

Tamara B. DLUGACH

Denis Diderot and Sophie Volland

Denis Diderot met his love Sophie Volland in 1757. At the time he was known only as the publisher of the Encyclopaedia. But their correspondence lasted for fifteen years, and

they had some personal meetings, so that Sophie knew about all the events in Diderot's life, his successes and failures. Communicating with her he became a famous philosopher interested in the problems of living and non-living matter, the development of matter and its properties. Diderot wrote to Sophie about everything, his domestic affairs, his work on the Encyclopedia and his trip to Russia. With her feminine flair she helped him to cope with his business and domestic problems. One can see from Diderot's letters how well-educated were French women in the 18th century and how they contributed to creating the cultural atmosphere of Paris.

Keywords: matter, living matter, non-living matter, travel, necessity, articles, thought, friendship, love, interest.

Arina V. SIMONYAN

Marguerite Porete and Guiard of Cressonessart

On May 31, 1310 the two-year long legal proceedings — a trial of two persons indicted for heresy — ended in Paris. The heretics were a certain Marguerite, named “Porete”, and Guiard of Cressonessart, who called himself “the Angel of Philadelphia”. She was condemned as an author of the book “full of dangerous beliefs and errors”, while he got a life-sentence as her advocate, who disseminated a teaching that threatened the authority of the Church. Only seven centuries later, in the second quarter of the twentieth century, the book was identified as “The Mirror of Simple Souls” — one of the greatest works in the tradition of spiritual literature of the Middle Ages. The story of Marguerite and Guiard came down to us only in the trial documents, and it is still an open question whether they knew each other before the tragic events of 1310, and also whether there was a mutual influence in terms of ideas.

Keywords: Marguerite Porete, “The Mirror of Simple Souls”, Guiard of Cressonessart, “Angel of Philadelphia”, beguines and beghards, medieval philosophical literature, medieval mystic, heresy in medieval Christianity.

Yulia E. FEDOROVA

Rābī'a al-'Adawiya and Ḥasan al-Baṣrī: Sufi Conversations about Love and Truth

The article deals with the phenomenon of Sufi assembly (*majlis*) where key philosophical problems were usually discussed. They included such topics as the relationship between man and God, love of God, experience of God's contemplation and knowledge, Sufi virtues and various aspects of spiritual practice. The main subject of the study is the numerous stories about the conversations between Rābī'a al-'Adawiya (713/714–801) and Ḥasan al-Baṣrī (642–768), brought together in poems (*Manṭiq al-ṭayr*, *Ilāhīnāma*) and the anthology *Memorial of God's Friends* of Farīd al-Dīn 'Aṭṭār, the major Persian poet and

Sufi thinker of the late 12th and early 13th centuries. Rābiʿa al-ʿAdawiya was the first person who dared to describe her relationship with God in terms of love, her spiritual experience was perceived later as the ideal model of a mystical union with the Divine Beloved.

Keywords: Philosophy, Islam, Sufism, Asceticism, Love, Truth, God, Farid al-Din ʿAttār, Rābiʿa al-ʿAdawiya, Ḥasan al-Baṣrī.

Leyli G. LAHUTI

Tales of love as a way of discussing philosophical truths (in Attar's poem "Ilahi-nameh")

This paper attempts to explore the philosophical basis of the stories, embedded within the Sufi poem by the Persian poet Farid ad-Din Attar (XII–XIII) *Ilahi-nameh*, with the focus on the stories dedicated to various kinds of love. It is shown how these stories develop into a narrative unfolding of some of the Sufi concepts such as the concept of the "lower" (material) world of matter and the "transcendent" spiritual world of mysteries, the concept of "animal soul" (*nafs*) that belongs to the lower world and the "higher soul" that belongs to the spiritual world, the concept of true and metaphorical love, as well as the concept of human beauty as the reflection of Divine beauty. (Translations of the corresponding fragments are included.)

Keywords: Sufi philosophy, Persian poetry, Farid ad-Din Attar, true and metaphorical love, the beauty of man as a reflection of Divine beauty.

Ilshat R. NASYROV

Arab "Dantes" and their "Beatrices" (Early Islamic Arabic poetry in the context of Muslim courtliness)

Arabic lyrical poetry flourished in early Islam (the 7th – 8th centuries) and was greatly enriched in terms of genre and themes. There developed new genres of poetry, such as Udhri (which extolled virtuous love), Hijazi ("Umari") in Western Arabia with its moderate Epicureanism and the erotic Kufi. Studies of Arabic love poetry of the period hardly take any notice of the impact of Muslim courtliness on the oeuvre of Arabic poets. Muslim courtliness (*zarf*) was expressed in exquisite demeanour, elevated perception of the world, a strict code of conduct and a set of rules for treating women. The phenomenon reveals similarities with medieval European courtliness and courtly love which can be traced back to Dante Alighieri's poems. This paper aims to examine the impact of Muslim courtliness on Arabic love poetry of the early Islamic period.

Keywords: Arabic love poetry, Udhri ghazal, Umari ghazal, Muslim courtliness (*zarf*), Dante Alighieri.

Сведения об авторах

АРОНСОН Даниил Олегович — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН

БОНДАРЕНКО Григорий Владимирович — кандидат исторических наук, в 2006–2013 гг. старший научный сотрудник Ольстерского университета и Королевского университета Белфаста; член Союза писателей России; генеральный директор Издательского Дома ЯСК

ВОРОЖИХИНА Ксения Владимировна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН

ГУРЕВИЧ Павел Семенович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН

ДЕМИДОВА Ольга Ростиславовна — доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии ЛГУ им. А. С. Пушкина и Международной программы ИМАРЕС Европейского университета в Санкт-Петербурге; член Союза писателей СПб. и Союза российских писателей; член редакционного совета альманаха гендерной истории «Адам и Ева» (ИВИ РАН)

ДЛУТАЧ Тамара Борисовна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН

КАНТОР Владимир Карлович — доктор философских наук, ординарный профессор Школы философии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; член редколлегии журнала «Вопросы философии»; член Союза российских писателей

КАРА-МУРЗА Алексей Алексеевич — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философии российской истории Института философии РАН

КОСТИКОВА Анна Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии языка и коммуникации философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

КОЗЫРЕВ Алексей Павлович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; заместитель декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по научной работе; главный редактор журнала современной философии «Сократ»

ЛАХУТИ Лейли Гасемовна — научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения РАН

МИХАЙЛОВА Мария Викторовна — доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета, академик РАЕН; член Союза писателей Москвы

МОТРОШИЛОВА Нелли Васильевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН

НАСЫРОВ Ильшат Рашитович — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философии исламского мира Института философии РАН

НЕРЕТИНА Светлана Сергеевна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук Института философии РАН

СИМОНЯН Арина Владимировна — аспирант, младший научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН

СИНЕОКАЯ Юлия Вадимовна — доктор философских наук, профессор РАН, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, заведующая сектором истории западной философии Института философии РАН, профессор РГГУ

СПИРОВА Эльвира Маратовна — доктор философских наук, заведующая сектором истории антропологических учений Института философии РАН

ТАХО-ГОДИ Елена Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института мировой литера-

туры им. А. М. Горького РАН; заведующая научным отделом Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева»

ФЕДОРОВА Юлия Евгеньевна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора философии исламского мира Института философии РАН

ЧЕРНЯЕВ Анатолий Владимирович — кандидат философских наук, заместитель директора Института философии РАН по научной работе, заведующий сектором истории русской философии Института философии РАН

ШАРОНОВ Владимир Иванович — кандидат педагогических наук, профессор Западного филиала РАНХиГС, один из организаторов и главный редактор проекта «Русофил»; заслуженный работник культуры РФ

ЭБАНОИДЗЕ Игорь Александрович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им А. М. Горького РАН, содиректор издательства «Культурная революция»

Contributors

ARONSON Daniil O. — PhD in Philosophy, Research Fellow at the Department of History of Western Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

BONDARENKO Grigory V. — PhD in History, in 2006–2013 Senior Research Fellow in Ulster University and Queen's University of Belfast, member of Writers' Union of Russia, director general of LRC Publishing House

CHERNYAEV Anatoly V. — PhD in Philosophy, Deputy Director for Research of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences and Head of the Department of History of Russian Philosophy

DEMIDOVA Olga R. — Dr. hab. in Philosophy, Full Professor; Department of Philosophy, Leningrad State University after A. S. Pushkin, Professor; The International program IMARES, European University in St Petersburg, Professor; member of St Petersburg Writers' Union and of All-Russian Writers' Union; Adam and Eve, Gender History Almanach (Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DLUGACH Tamara B. — Dr. hab. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Department of History of Western Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

EBANOIDZE Igor A. — PhD in Classical Philology, Senior Research Fellow at the Gorky Institut of World Literature RAS, the co-director of *Kul'turnaya Revolutziya* Publishing House

FEDOROVA Yulia E. — PhD in Philosophy, Research Fellow at the Department of Islamic Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

GUREVICH Pavel S. — Dr. hab. in Philosophy, Professor, doctor of Philological Sciences, Chief Research Fellow at the Department of History of Department of the History of Anthropological Doctrines of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

KANTOR Vladimir K. — Dr. hab. in Philosophy, Tenured Professor, School of Philosophy, Faculty of Humanities, National Research University — Higher School of Economics, member of editorial council of Journal “Voprosy Filosofii”, member of Union of Russian Writers

KARA-MURZA Alexey A. — Dr. hab. in Philosophy, Professor, Head of Department of the Philosophy of Russian History of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

KOSTIKOVA Anna A. — PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of Department of Philosophy of Language and Communication at the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University

KOZYREV Alexey P. — PhD in Philosophy, Associate Professor of Department of history of Russian philosophy at the Faculty of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty of Philosophy Lomonosov Moscow State University (MSU), editor-in-chief of Journal “Socrat”

LAHUTI Leyli G. — Research fellow, Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

MIKHAILOVA Maria V. — Dr. hab. in Philology, distinguished professor of Lomonosov Moscow State University, professor of Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process of Faculty of Philology, fellow of Russian Academy of Natural Sciences, member of Union of Writers of Moscow

MOTROSCHILOVA Nelly V. — Dr. hab. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Department of History of Western Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

NASYROV Ilshat R. — Dr. hab. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of Islamic Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

NERETINA Svetlana S. — Dr. hab. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Department of Philosophical Problems in Social Sciences and Humanities of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

SHARONOV Vladimir I. — PhD in Pedagogical Science, Professor of the Western Branch of the Russian Academy of the National Economy and Civil Administration, one of the organizers and Editor-in-Chief of the Russophile *Rusofil* project, Merited Cultural Worker of the Russian Federation

SIMONYAN Arina V. — post-graduate student, Junior Research Fellow at the Department of History of Western Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

SINEOKAYA Yulia V. — Dr. hab. in Philosophy, Professor of Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Research of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences and Head of the Department of the History of Western Philosophy of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Professor of Russian State University for Humanities

SPIROVA Elvira M. — Dr. hab. in Philosophy, Head of the Department of the history of anthropological doctrines of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

TAKHO-GODY Elena A. — Dr. hab. in Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature at the philological faculty at Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Senior Fellow at the A. M. Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Science, head of the research department, the Library of history of Russian philosophy and culture “Losev House”

VOROZHIKHINA Ksenia V. — PhD in Philosophy, Research Fellow at the Department of the History of Russian Philosophy of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ ЭМАНАЦИИ ЛЮБВИ

Подписано в печать 01.11.2018. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Усл. печ. л. 46,44. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>